ДЕРЗКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ МЕЛОДРАМА
Юлия
Шилова
Женщина, которой
смотрят вслед
ЗОЛУШКА
ИЗ ГЛУБИНКИ,
или Хозяйка большого города
НОВИНКА+
судьбы в письмах

Юлия Витальевна Шилова

Золушка из глубинки, или Хозяйка большого города

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137678
Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14286-X

Аннотация

Какая девушка не мечтает стать актрисой? Мечтает об этом и провинциалка Светлана, приехавшая в Москву поступать в театральный институт. Актрисы, к сожалению, из нее не получилось. Но жизнь девушки и без того становится похожей на кинофильм в жанре «экшен», в лихо закрученном сюжете которого есть все: убийства, погони, роковое стечение обстоятельств, трагическая любовь, преданные друзья и…

Сможет ли Светлана до конца доиграть свою вынужденную роль? И что случится, если девушке не хватит сил?

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ 4
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1 15
ГЛАВА 2 23
ГЛАВА 3 28
ГЛАВА 4 34
ГЛАВА 5 39
ГЛАВА 6 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Золушка из глубинки, или Хозяйка большого города

Сильные рождаются в провинции, а умирают в столице.
Неизвестный автор

ПОСВЯЩЕНИЕ

Москва – это город необычайно сильных и неординарных личностей, и одной из них мне и хочется посвятить свой новый роман. Героиню моего нового романа зовут Светланой, которая, как и сотни других девушек, приехала в Москву в поисках счастья. Когда-то Москва ее засосала, а московский образ жизни подействовал как наркотик, и она поняла, что это ее город, ее ритм, и она сделает все возможное, чтобы навсегда в нем остаться. Она поделилась со мной своими секретами, своими жизненными неудачами, поражениями и победами. Она твердо шла к поставленной цели и сама никогда не знала о том, что она может оказаться настолько жизнеспособной.

Я перечитывала письмо Светланы и во многом узнавала себя. Я, как и она, счастлива в этом городе потому, что нашла здесь свою любимую работу, близких сердцу друзей и любимого человека. Хотя у счастья нет географии. Кто-то находит счастье в своем родном городе, потому что самое главное – стать счастливым, и неважно где, в Москве, Калуге или Волгограде. Нужно просто любить город, где мы живем, и желательно хоть что-то для этого города сделать. Я часто вспоминаю Владивосток. Там живут почти все мои родственники. Это потрясающий город, и там необыкновенно красивое море. Приморье навсегда останется в моем сердце, потому что оно меня вырастило, закалило, воспитало и дало путевку в жизнь. Мы все жители одной страны и патриоты тех мест, в которых живем. Москва далась мне непросто. Она далась мне значительно тяжелее, чем я могла себе только представить. Долгие годы живя в Москве, я никогда не забываю родное Приморье. Слежу за погодой, за новостями, не забываю про родственников. Нас разделили безумно дорогими ценами на билеты и дорогими тарифами на переговоры, но нить общения между родными людьми разделить невозможно, как бы ни старались те, кому это подвластно. Я вспоминаю Приморье, но я безумно люблю Москву… В моей памяти навсегда останется поезд «Владивосток – Москва» и эти семь суток, проведенные на колесах. Пассажиры, сменяющие друг друга, заходящие на различных станциях и спрашивающие меня о том, на кой черт мне сдалась эта Москва. Я буду всегда благодарна тем людям, которые встречались на том отрезке жизни, когда я вживалась в столицу. Они были разные, но больше было хороших. Мне вообще везет на хороших людей.

История Светланы достойна пера. Она из тех, кто может подойти к своей жизни с расчетом. Она смогла стать хозяйкой своей судьбы. Эта женщина знает, чего она хочет. Ее отношения с окружающим миром функциональны и прагматичны. Москва научила ее не верить словам и судить о людях только по их делам, потому что одни красивые слова без каких-либо дел ничего не стоят. Если новый день ничем не отличается от предыдущего и не приносит ни перемен, ни положительных результатов, она не отчаивается и понимает, что пусть это не самый лучший день, но ведь это ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ ЕЕ ЖИЗНИ, а это значит, что она приложит все усилия для того, чтобы прожить его как можно лучше. Она знает правила игры выживания и если кто-то ударит ее по щеке, никогда не подставит ему вторую, а сумеет дать сдачи. Она уверена, что женщина должна постоянно меняться и удивлять… Москва научила ее выживанию, душевной силе и умению на начальном этапе разглядывать мнимых

доброжелателей. Москва научила ее никогда не опускать рук и верить в то, что у нее всегда все получится. Она знает, в какие двери нужно входить и как с кем разговаривать. У нее настолько сильная энергетика, что тому, кто находится рядом с ней, начинает казаться, что у него спешат часы. В ее обществе любой мужчина начинает чувствовать себя джентльменом. Она ЖЕНЩИНА, которая сделала себя САМА.

Светлана искренне любит Москву, но иногда ей становится больно оттого, что в больших, казалось бы, городах так много равнодушных людей. Судьба не раз испытала ее на прочность. Эта женщина многое пережила, но самое страшное то, что она пережила «Норд-Ост».

Она была заложницей и выжила чудом. С тех пор прошло несколько лет, но она до сих пор часто просыпается в холодном поту после какого-нибудь кошмарного сна, кричит по ночам и вспоминает детали самых жутких дней своей жизни. Ее жизнь разделилась на два отрезка. Один – это тот, когда она жила до «Норд-Оста», а второй после него, когда она поняла, что тот спектакль отнял у нее не только веру в завтрашний день. Он отнял у нее здоровье. Она осталась жива, и она знает, что такое кошмар наяву. После этого события она посмотрела на свою любимую Москву совсем другим взглядом. Она вдруг увидела вокруг себя множество равнодушных людей. Ей стало слишком одиноко, и она называет свой город городом душевного одиночества. Она по-прежнему любит Москву, только не может понять, почему в наше время люди могут быть настолько одиноки в больших городах, ведь кругом море людей, но при этом никому нет друг до друга дела. А еще она не может понять, почему люди так быстро обо всем забывают и не находят в своей душе хотя бы чуточку места до чужой боли.

Я уверена, что для того чтобы в этой жизни чего-то добиться, не обязательно учиться на своих собственных ошибках и платить за успех столь дорогой ценой, можно сделать выводы и на чужом опыте и постараться допустить как можно меньше промахов. Учиться действительно можно на чужом опыте, ибо воистину говорят, что чужой опыт бесценен.

Я выношу на ваш суд судьбу нашей соотечественницы, потрясающе сильной женщины, письма которой не смогли оставить меня равнодушной, и я тут же взялась за перо. Такие женщины, как Светлана, вызывают неподдельную гордость, потому что она деятельная, сильная, способная, и она знает, что любая из нас в состоянии влиять на обстоятельства и жить так, как ей хочется. С самого детства она верила в то, что ее планка находится высоко и что она достойна лучшей жизни.

Она пережила потерю любви, криминал, который буквально ворвался в ее жизнь и перевернул все кверху дном. Она пережила отчуждение, душевную боль, одиночество, и она пережила «Норд-Ост». Она никогда и ничего не просила у государства. Она всю свою жизнь всего добивалась сама. Единственное, на что она рассчитывала, так это на безопасность, но и тут она просчиталась, потому что в очередной раз поняла, что те, кто наверху, никогда не защитят ее от террора, а это значит, что при любых обстоятельствах ей нужно рассчитывать только на саму себя.

А еще. Еще она верит, что у нас не все потеряно, что настоящие и благородные МУЖЧИНЫ не перевелись, просто они не всегда показывают свое благородство. Она верит, что мир изменится и станет добрее. Обязательно станет, хотя бы потому, что в этом мире еще есть такие замечательные мужчины, как доктор Рошаль… С такими, как он, не страшно… С такими, как он, хочется жить, любить, творить и благодарить… Таким, как он, хочется стирать рубашки, печь пироги, рожать детей, сдувать пылинки с их пиджаков, быть просто ЖЕНЩИНОЙ и молить Господа Бога о том, чтобы такие, как он, жили как можно дольше, чтобы судьба была к ним благосклонна, потому что без них нам будет по-настоящему страшно и мы поймем, что нас больше некому защитить, а ведь мы все так нуждаемся хотя бы в маленькой тропинке взаимопонимания и доверия…

Юлия ШИЛОВА

ПРОЛОГ

Я смотрю на собравшихся в банкетном зале людей и устало улыбаюсь. Я и сама не могла представить, что на мой сегодняшний юбилей соберется так много народу. Мои гости произносят красивые и громкие тосты, восхваляют меня за мои настоящие и придуманные заслуги. Они говорят много и очень красиво. Они знают, что я люблю лесть. Сегодня мой день рождения. Господи, кто бы мог подумать, но сегодня мне исполнилось сорок лет! Сегодня я являюсь предметом общего обожания. Мне преподносят роскошные подарки, поют дифирамбы, дарят цветы, целуют руки. Гости смотрят на меня, не скрывая своего восхищения! Мне пришло много телеграмм, и я приняла бессчетное количество телефонных звонков. Подняв свой бокал с шампанским, я облизала пересохшие от волнения губы и посмотрела на собравшихся в зале гостей.

– Я хочу поблагодарить всех, кто почтил сегодня меня своим присутствием на этом вечере! – Как и прежде, я заговорила томным и немного игривым голосом, в котором чувствовалась уверенность, пропитанная чувственным оттенком. И все же в этом голосе чувствовалась сила, самодостаточность и безграничная уверенность в себе. Этот голос стоил мне многого. Было время, когда я записывала свой голос на пленку, прослушивала, искала изъяны и работала над собой. Я всегда знала, что женщина должна подать себя, начиная со своего голоса. Боже мой, сколько же лет прошло с того самого дня, когда я попыталась исправить все свои дефекты речи и выработать особый тембр голоса. Это было первым условием вживания в столицу. Сначала я перекроила свой голос, а уж когда появилась финансовая возможность, привела в идеальный порядок свой рот, в котором появились красивые белоснежные зубы. Голливудская улыбка необходима для покорения этого мира. Эти, казалось бы, на первый взгляд мелочи всегда могут испортить первое впечатление и сыграть крайне неприятную роль. Так вот, мой голос… Он завораживает и заставляет людей жадно слушать все, что я говорю. Когда-то у меня не было денег ни на логопедов, ни на стоматологов. Все, что я могла себе позволить, – так это засовывать орехи в рот и учиться правильно произносить слова. Уж я-то всегда знала, что если у меня не будет потрясающего голоса и красивого рта, то никогда не исчезнут мои комплексы, моя зажатость и неуверенность в себе.

– Я рада, что собралось такое большое количество гостей, потому что каждый из вас мне по-своему дорог, – продолжила я свою речь. – Я не хочу думать о том, что сегодня мне сорок! Не хочу, потому что в душе мне всегда восемнадцать и у меня, как и прежде, все впереди. У женщины нет возраста! У женщины всегда все впереди! Говорят, что сорок лет не отмечают, а я хочу отметить, потому что раньше, когда я была моложе, у меня не было возможности отпраздновать свой день рождения так, как я могу сделать это сейчас.

Я посмотрела на роскошные столы, которые просто ломились от деликатесов и дорогого спиртного. Затем перевела свой взгляд на множество красивых шаров и… ощутила, как на мои глаза набежали слезы. Одному Господу известно о том, чего мне это стоило.

– Я хочу, чтобы сегодняшний вечер запомнился нам всем на всю жизнь! Я хочу, чтобы небо украсили залпы салюта, чтобы прибывшие сюда певцы не принесли нам разочарований и пели живьем, чтобы мы танцевали, пили и веселились всю ночь. С самого момента рождения мне никогда и ничего не давалось легко. За все, что я имела, я всегда платила высокую цену. Но как бы судьба ни била меня лбом о стену, я всегда знала, что придет время, БУДЕТ И НА МОЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК! Так вот, сегодня это время пришло! Сегодня праздник на моей улице, а это значит, господа, гуляем! Черт побери, гуляем!!!

Гости громко захлопали, а я рассмеялась сквозь слезы и принялась пить шампанское. Среди гостей есть и те, кто меня искренне любит, но много и тех, кто является моим мнимым доброжелателем, но пришел сюда по той причине, что не может не принять правила моей

игры. Бизнес – странная штука. Зачастую тебе приходится улыбаться тому, кого ты на дух не переносишь, и иметь дела с тем, кто вызывает у тебя стойкое раздражение, а иногда и настоящую аллергию.

А за окнами шумного ресторана видна вечерняя Москва… Москва… Когда-то я встречала свой день рождения совершенно одна, на лавочке на старом Арбате с бутылкой недорогого вина. Тогда мне пришлось объяснять подошедшим ко мне милиционерам, что у меня праздник и что, положа руку на сердце, мне его больше негде встретить. Но стоящие напротив меня стражи порядка, видимо, не хотели войти в мое положение и требовали с меня штраф. Не действовало даже то, что я показывала им свой паспорт и сравнивала сегодняшнюю дату с датой своего рождения. Я говорила, что я сижу здесь потому, что тут много людей. Пусть они и не обращают на меня никакого внимания, но все равно я не одна. Я среди них… Я не могу и не хочу быть одна.

В те годы я встречала так многие праздники. На Новый год взяла бутылку шампанского и рванула на Красную площадь. Там было много подвыпивших людей, которые со всеми знакомились, поздравляли друг друга с Новым годом, водили хороводы вокруг елки и желали друг другу счастья. Никому не было дела, что я приехала в гордом одиночестве, сама по себе, потому что через минуту я уже оказалась в довольно большой компании. Меня целовали, заключали в объятия, мне говорили множество самых приятных вещей. И я опять была не одна. Я была среди людей, которые вели себя со мной так, словно знали меня всю жизнь.

Да, было время… И это время ушло. Теперь мне уже никогда не сесть на лавочке с бутылкой вина и не справить свой день рождения в одиночестве и уже не поехать с бутылкой шампанского в новогоднюю ночь к Кремлю для того, чтобы примкнуть к какой-нибудь шумной компании. Теперь я уже не та беззаботная девчонка с горящими глазами и открытым миру сердцем. Теперь я преимущественно рассматриваю Москву сквозь тонированные стекла своего автомобиля или в окна своего офиса. Мне уже незачем встречать свой день рождения в гордом одиночестве. Теперь я могу себе позволить встретить его в одном из самых дорогих ресторанов Москвы, в окружении полутора сотен людей, которые смотрят на меня, открыв рот, и говорят обо мне восхитительные вещи.

Я вновь окинула взглядом гостей, которые вставали по одному и говорили о том, что они очень гордятся тем, что знакомы со мной лично, и что они считают за честь присутствовать на моем дне рождения. Я улыбаюсь и думаю о том, что если бы все эти гости знали, через что мне пришлось пройти, прежде чем добиться всего того, что я имею, то они бы не то что не сели со мной за один стол – они бы никогда не подали мне своей руки. Мало кто знает, что скрывается в душе у меня, такой красивой и успешной женщины.

А вообще, если честно, то я люблю лесть. Всегда приятно слушать комплименты о себе любимой. Я женщина, а, как известно, женщина любит ушами. Мои гости говорят о том, что восхищаются моей неуемной энергией. В этом они действительно правы: энергии у меня не отнять. Моя кипучая деятельность может свернуть горы и привести в замешательство любого, кто меня знает.

Когда заиграла музыка и на сцене появилась известная певица, многие из гостей принялись танцевать, получая от этого настоящее удовольствие. Я по-прежнему сидела за столом, махала рукой танцующим парам и посылала им воздушные поцелуи. Боже мой, мне уже сорок! А быть может, мне еще сорок. Мне сорок лет, а я еще не утратила в душе своей беспечной молодости. Несколько дней назад я подошла к зеркалу и увидела у себя первые седые волосы. Естественно, я сразу их закрасила, но это проклятое ощущение… Похоже, придется смириться с тем, что с каждым годом седых волосков и морщинок будет появляться все больше и больше.

В сорок лет я уже могу подвести итог своей жизни и могу подумать о будущем. В сорок лет открывается второе дыхание и начинается вторая молодость. Наконец-то только к сорока

годам я заимела поистине железные нервы, которые так необходимы любой женщине: не имеет значения – деловая она женщина или женщина, занимающаяся домашним хозяйством. В сорок лет я уже могу распрощаться с различными условностями и пожинать плоды всего того, что я достигла. Я могу кружить головы молодым мужчинам и улыбаться той ослепительной улыбкой, которой научилась тогда, когда училась своему сегодняшнему голосу. Вся моя молодость – в моей улыбке. В сорок лет я, как и раньше, забочусь о своей душе и делаю это намного серьезнее, чем в молодые годы. В сорок лет я все еще верю в большую и настоящую любовь и уже знаю, что в мои годы не стоит в чем-либо ограничивать себя. Теперь я знаю, как именно меня должны любить, и могу совершенно спокойно предъявлять свои требования к любви. Я могу себе это позволить, потому что я уже взрослая.

Я улыбнулась своей давней знакомой, пришедшей со своим молодым любовником, и игриво ей подмигнула. Она старше меня на пять лет, а ее любовник моложе ее ровно на двадцать лет. Никто не смотрит на нее укоризненно: говорят, что сейчас это даже модно. Она послала мне воздушный поцелуй и рассмеялась, глядя в глаза своему любовнику, каким-то наивным и детским смехом. Такие, как она, не будут обращать внимания на чужие пересуды и осуждающие взгляды. Моя подруга считает, что многие молодые люди не обязательно ищут себе «матерей», когда встречаются с женщинами намного старше себя. Их привлекает очарование зрелой женщины – ее жизненный опыт и ее безграничная уверенность в себе.

– Светлана, ты сегодня красива, как никогда. – Я поворачиваю голову и улыбаюсь сидящему рядом со мной седоволосому мужчине. Это моя правая рука. Мой друг и человек, на которого я всегда смогу положиться. Он помогает мне в моем бизнесе и уже много лет идет со мной рука об руку в этой жизни. – Как ты смотришь на то, чтобы пропустить по рюмочке?

– Положительно. Только ты поднимешь рюмочку, а я фужер. Не хочется смешивать спиртные напитки.

– Светлана, твое слово для меня – закон.

– Рядом с тобой я всегда чувствую себя королевой.

– А ты и есть королева. Ты только посмотри, какими глазами на тебя смотрят все эти люди…

– И какими же глазами они все на меня смотрят? – задала я вопрос, заранее зная ответ.

– Ты же сама все видишь: они смотрят на тебя глазами, полными обожания.

– Среди всех этих взглядов слишком много фальшивых.

– Без этого никуда. Ты же знаешь, что у нас в стране не любят красивых и успешных женщин. Я думал, что ты уже давно к этому привыкла.

– А ты считаешь, что к этому можно привыкнуть?

– Конечно. Привыкнуть можно ко всему, тем более с твоим прагматичным подходом к жизни. Я хочу выпить за тебя. За то, что когда-то я познакомился с очаровательной Золушкой из далекой российской глубинки. Теперь ты уже не Золушка. Ты – хозяйка большого города, хозяйка целого мира.

– Ну ты даешь…

– И все же, как тебе мой тост?

– Если ты решил мне польстить, то у тебя это очень хорошо получилось.

– Я сказал тебе чистую правду. – Саша грустно улыбнулся.

– Если бы я была хозяйкой этого города и целого мира, то в нем бы сразу ощущалась женская рука. Ее же не чувствуется: тут повсюду рука мужчины. В женщине больше сострадания и искренности.

Я поднимаю свой бокал и всматриваюсь в лицо близкого мне человека.

– Саша, ты плохо себя чувствуешь? – в моем взгляде появляется особая подозрительность.

– Да так. Просто не спал всю ночь.

– Что-то случилось?

– Рая опять запила.

– Понятно. Да уж, неприятная картина. А я смотрю – ты один пришел, без нее. Не стала задавать тебе лишних вопросов. Ладно, Саня, ты держись. Не в первый раз все-таки. Ты знаешь, я слышала про какой-то новый метод…

– Света, не парь мозги, – перебил меня Александр. – Мне кажется, что я уже испробовал на своей жене все возможные и невозможные методы. Ничего не помогает – все это трата времени и денег. И вообще, давай не будем о плохом. Как-никак, а сегодня твой день рождения.

Саша взял меня за руку и дал мне понять, что он не хочет продолжать разговор на тему, которая для него слишком тяжела и болезненна.

За долгие годы нашей совместной работы и дружбы мы научились понимать друг друга с полуслова и чувствовать настроение каждого из нас даже на расстоянии. Саша приложил все усилия для того, чтобы сделать свой брак счастливым, но его жена часто уходила в запой и доставляла ему массу неприятностей. Он по-своему любил Раю и уже смирился со своей участью, но иногда его нервная система давала сбой, и я видела, что он уже на пределе. Женский алкоголизм – страшная штука, и вылечиться от него по силам не каждой женщине. Для того чтобы достигнуть хотя бы мало-мальского результата, нужно иметь желание изменить что-то к лучшему и осознание того, что так жить нельзя. У Раисы такого желания не было, или оно появлялось только тогда, когда Александр в очередной раз собирался от нее уходить. Но ее раскаяние продолжалось недолго: всего несколько дней, до следующего запоя.

– Света, я хочу выпить за тебя, – вновь сказал Александр, и я ощутила, как у него слегка задрожал голос. – Ты состоялась как женщина, как личность. Ты – молодец. Я всегда знал, что ты молодец. А еще мне хочется, чтобы наконец наладилась твоя личная жизнь.

– Ты хочешь сказать, что у меня ее нет?

– Я хочу пожелать тебе, чтобы к своему следующему дню рождения ты обязательно вышла замуж.

– Я пока не испытываю подобной необходимости.

– Света, я знаю, что ты сейчас скажешь…

– Что? Что мне некому будет принести в старости воды. Но мне казалось, что я всегда могу рассчитывать на тебя?! – не удержавшись, рассмеялась я озорным смехом. – И потом, захочу ли я пить? Захочу ли я взять стакан из рук человека, который принесет мне воды?

– Ты, как всегда, переворачиваешь все с ног на голову и издеваешься над моими словами. Я думал, что ты сейчас скажешь то, что говоришь обычно.

– И что же?

– Что удачная семейная пара на сегодняшний день – это большая редкость, что мужчина и женщина не созданы для того, чтобы жить вместе. Я не хочу возражать против твоих аргументов. Я хочу сказать тебе только то, что я был бы счастлив погулять на твоей свадьбе.

– В моем возрасте уже не устраивают пышные свадьбы и уж тем более не надевают белые платья.

– Надеть белое платье можно в любом возрасте.

– Саша…

Александр посмотрел на меня и рассмеялся:

– Я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь, что в твоем возрасте люди вступают в официальный брак либо от нездорового романтизма, либо по каким-то меркантильным соображениям. Можешь ничего не говорить. Я все знаю наперед. И если ты не хочешь разговаривать на тему твоей личной жизни, тогда пошла бы она к черту.

– Кого ты посылаешь к черту? – нахмурив брови, спросила я.

– Эту проклятую тему.

– Вот это правильно: туда ей и дорога. Зачем все усложнять? Ты же знаешь, что по поводу моей личной жизни я всегда отвечаю одной и той же фразой: «Я люблю и любима». Все знают, что с личной жизнью у меня всегда все в порядке.

– Но я-то знаю, как все обстоит на самом деле.

– Что ты знаешь?

– Что тебе просто понравилась эта красивая фраза. Ты все придумала, потому что так легче.

– А что я, по-твоему, должна говорить, что я женщина с неустроенной личной жизнью? Что я в пожизненном и безрезультатном поиске? Как я буду выглядеть в глазах общества, которое считает женщину с неустроенной личной жизнью неполноценной?

– С каких пор тебя стало интересовать, что подумает о тебе общество? Что-то я раньше не замечал, чтобы ты забивала себе голову подобными глупостями?

– Редко, но иногда у меня проскальзывает подобная мысль. У женщины должна быть личная жизнь, и неважно, придуманная она или реальная.

– Ты считаешь, что достаточно все выдумать?

– Вполне: и людям спокойнее, и мне. Если любви нет, то ее можно придумать. Можно представить, что она есть, и не строить иллюзий по данному поводу. В конце концов, какая разница!

– Мне все же кажется, что человек, в душе которого нет места для любви, не может быть счастлив.

– А мне удобнее жить без любви: никакой головной боли! Любовное чувство забирает слишком много сил, а я не теряю времени на романтические отношения и могу целиком посвятить себя работе. Я представила, что в моей жизни есть любовь, и сама поверила в придуманную мной сказку.

– Ты считаешь, что так можно жить?

– Как видишь, живу, и причем неплохо себя чувствую.

– Но ведь твоя любовь фальшивая. Она искусственная.

– Можно подумать, в реальной жизни она не фальшивая. Моя любовь не причиняет мне боль, а это самое главное.

– Да уж, с тобой трудно о чем-либо спорить. У тебя свое видение мира.

– Ты обещал послать эту тему к черту.

– Тогда посылаю.

Сделав несколько глотков из наполненного до самых краев бокала, я приняла приглашение Александра и закружилась с ним в медленном танце.

– Саша, ты посмотри, какая за окном Москва-то красивая!

– Красивая, – согласился Александр. – Я это сразу заметил, как только впервые приехал сюда. После того как я увидел Москву, то понял, что такое любовь с первого взгляда.

Я положила голову на плечо своего друга, закрыла глаза и мысленно перенеслась на несколько лет назад. Меня не покидало ощущение нереальности произошедшего со мной. 23 октября… Бог мой, я всегда боюсь 23 октября. Несмотря на то что это день моего второго рождения, для меня этот день навсегда останется самым страшным днем в моей жизни. А ведь через пару месяцев наступит это жуткое 23 октября. Ненавижу эту дату! Было бы лучше, если бы ее вычеркнули из календаря. Смотрю, а за окнами – ночная Москва. Такая красивая и манящая. Даже не верится, что теперь в ней становится страшно жить. «Каждый вечер на сцене садится бомбардировщик в натуральную величину!» – именно так гласила реклама, из любопытства я и поехала на тот злосчастный спектакль. Будь он проклят, этот бомбардировщик в натуральную величину! Тогда, 23 октября, все происходило, будто во сне. Чечня – так далеко. Где-то там идет бесконечная война, уже давно превратившаяся в настоящий бизнес. На этой войне гибнут наши мальчишки, так и не познавшие, что такое

любовь. Там стреляют боевики, пролетают пули, падают вертолеты и взлетают на воздух машины. А здесь – Москва. Здесь течет размеренная и в меру спокойная жизнь. Тут ходит милиция, проезжают патрульные машины и проверяют документы. Тут ФСБ, МВД, ГАИ, кругом частная охрана. В Москве не должно быть страшно: здесь все мы защищены. Но 23 октября я вдруг отчетливо поняла, что от террора нас защитить некому. Я и подумать не могла, что у меня так громко и быстро может стучать сердце, что моя речь может быть настолько бессвязна, что я могу плакать и не чувствовать слез. «Взрывчатки хватит на всех» – эти слова до сих пор звучат в моих ушах как приговор. Перед глазами стоит перепуганная, но еще живая Ольга. На тот спектакль я пришла вместе со своей подругой, а вернулась уже без нее. Когда разрешили звонить по мобильным и передавать требования террористов своим родственникам и знакомым, первым, кому я позвонила, – был Александр. Я прижимала трубку к уху и пыталась услышать его слова, потому что рядом плакала Ольга. Ольга слышала в трубке голос своего ребенка. Александр сказал, что я везучая, что у меня есть ангел-хранитель и что я могла бы погибнуть уже десятки раз, но не погибла потому, что я должна жить долго и счастливо. Он говорил, что мысленно он со мной, просил, чтобы я успокоилась, сидела как можно тише и не смотрела боевикам в глаза. Саша сказал, что боевики – как собаки. Они не выдерживают пристального, открытого взгляда, могут сорваться. Я обзванивала всех, кого знала, пока не села батарейка у телефона, но с Александром я говорила чаще всего. По возможности я перечисляла ему количество боеприпасов, находящихся рядом со мной, считала передвигающихся по залу боевиков, а также пыталась определить их часто меняющееся настроение. Они то молились, то поклонялись своим автоматам, как каким-то Богам, то начинали петь, и от этих песен нам всем становилось еще хуже. Тогда, сидя в зале, я долго не верила в то, что все это не театральный спектакль и что за окнами этого здания все та же ночная Москва с множеством красивых огней, гуляющих на улицах людей и музыкой в многочисленных ночных клубах. Мне не верилось, что кто-то сидит в своих квартирах, смотрит новости по телевизору, пьет чай и ложится спать для того, чтобы хорошенько выспаться и встретить завтрашний день со свежими силами. Только мы, сидящие в зале, не могли лечь спать, потому что мы потеряли счет времени и нам не было никакой разницы – начался новый день или еще не закончился старый. Тогда я обратилась к Богу. Я просила его о том, чтобы все мы выжили и выбрались из этого ада. Я дала ему клятву, что если я выживу, то полюблю свою жизнь, буду каждый свой новый день воспринимать как великое благо, никогда никого не обижу, всегда подам нищему, никого не предам, не скажу никому ни одного обидного слова и буду каждый день совершать только хорошие и добрые поступки. Тогда я впервые в жизни поняла, как же долго может тянуться время. Казалось, время стоит на месте, а ты по-прежнему не можешь встать и размять затекшие ноги. До сих пор перед глазами оркестровая яма, играющая роль туалета. Боже мой, если бы когда-нибудь кто-то сказал мне о том, что такое возможно в реальной жизни, я бы никогда не поверила! Люди, сидящие на первых рядах, купившие самые дорогие билеты на спектакль, находились в полуобморочном состоянии из-за жуткой, зловещей вони. В памяти всплыл образ доктора Рошаля (по его просьбе поднявшийся на балкон Бараев объявил о том, что отпускают детей). Помню наши аплодисменты, они были точно такие, как в мирной жизни. В зале малышей было мало. В основном двенадцати– и четырнадцатилетние мальчишки, но боевики их не отпустили, потому что не посчитали за детей. Моя подруга Ольга сказала, что мы зря хлопали террористам. А я, увидев Рошаля, поняла, что все будет хорошо. Его образ был какой-то родной, близкий, а глаза вселяли в нас надежду на спасение. Увидев доктора на балконе, я крикнула ему о том, что мне необходим валидол. Чуть позже это лекарство оказалось в зале. Сидевшая сзади меня пожилая женщина доставала из сумочки валерьянку и пила ее время от времени, рассказывая мне о том, что дома ее ждут дети и внуки, что в этот день вся ее семья отправилась в гости, а ей уж очень сильно захотелось посмотреть, как это на сцену

садится бомбардировщик в натуральную величину. Теперь все это далеко. Это страшный и далеко не забытый сон для тех, кто там был и потерял своих близких. Для всех остальных «Норд-Ост» почти уже забыт.

Александр словно прочитал мои мысли и бережно коснулся моего плеча.

– Света, о чем думаешь? Тебе плохо?

– Я просто вспомнила о том, что скоро 23 октября. Ненавижу эту дату.

– Постарайся не думать об этом. Мы обязательно уедем в этот день из Москвы.

– Я хотела поехать на улицу Мельникова и возложить цветы.

– Не стоит: у тебя опять начнутся проблемы с психикой. Все в прошлом. Жизнь продолжается! Ты должна понять, что жизнь продолжается!

Я посмотрела на официантов, разносящих шампанское, на повара, который жарил тушку барана, на женщин в дорогих вечерних платьях, на их галантных спутников и на держащего меня за руку преданного Александра. Я посмотрела и поняла, что я не имею права показывать своих слез, потому что ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ! Александр прав: я осталась жива, а это значит, что жизнь никогда не стоит на месте. Я должна жить дальше!

В этот момент за окнами засверкали залпы салюта. Обрадованные гости восторженно захлопали в ладоши и поспешили на большую веранду, украшенную шарами, на распахнутые балконы. Саша схватил меня за руку и направился вместе со мной к балкону.

– Света, это в твою честь! Я же тебе говорил, что жизнь продолжается! Говорил, а ты мне не верила! Светка, ты видишь – жизнь продолжается! Продолжается, несмотря ни на что!

Притянув меня к себе как можно ближе, Саша поцеловал меня в шею на правах старого друга и радостно прокричал:

– Светка, а ведь мы с тобой все-таки счастливые! Согласись, что мы с тобой счастливые?! Потому что мы вместе, потому что мы знаем, что такое настоящая дружба, потому что есть Я и есть ТЫ, потому что на этом свете есть ЖЕНЩИНА, которая достойна неподдельного восхищения, и эта женщина – ТЫ!

– Мы вместе! – согласилась я с Александром и мысленно поблагодарила судьбу за тот подарок, который она преподнесла в один из нелегких периодов моей жизни. За человека, который мне бесконечно дорог и по-настоящему близок.

Повернув свою голову в сторону банкетного зала, я вздрогнула и чуть было не издала пронзительный крик.

– Света, ты только посмотри, какой салют! Ты только посмотри! – восторженно радовался увиденному Александр и не сводил глаз с безумно красивого неба.

Но я уже не видела красочного, сияющего неба. Я не слышала громких, восторженных криков. Я не понимала, о чем говорит мне Саша. Я смотрела на человека, стоящего перед входом на балкон, и ощущала, как все больше и больше сбивалось мое дыхание.

Вошедший мужчина был одет во все черное, он не сводил с меня своих пронзительных глаз. Это был человек из моего прошлого, а я всегда боялась своего прошлого… Это был человек, которого я уже не ждала. Я думала, что время убивает в нас жажду мщения, но я ошиблась. Глядя на этого человека, я понимала, как же сильно я ошиблась.

Он пришел. Он меня нашел. Он нашел меня в тот момент, когда я думала о том, что мне уже больше ничего не угрожает. Мне захотелось громко кричать, побыстрее выяснить, кто же его пустил, как он мог пройти на закрытую вечеринку, вход на которую строго по приглашениям?! Мне хотелось наказать тех, кто допустил подобное… Но я знала, что уже слишком поздно, потому что его никто и ничто не остановит. Этот человек слишком долго меня искал, именно поэтому его невозможно остановить. Он пришел сюда для того, чтобы меня убить, чтобы дать мне понять, что, как бы я ни хотела скрыть свое прошлое, у меня не

получится это сделать. От прошлого невозможно убежать, потому что оно всегда вернется и напомнит о том, что настал час расплаты.

Я этого не ожидала. Я это не предусмотрела. Я не знала, как вести себя в подобной ситуации. Как вести себя тогда, когда ты понимаешь, что еще немного и тебя больше не будет?! Лицо мужчины оставалось в тени, но я бы узнала его в любом случае – настолько прочно память запечатлела черты этого лица. Я сказала сама себе: «…Ты расслабилась… Хотя правило всей твоей жизни состоит в том, что нельзя расслабляться. Но ты забылась и расслабилась…»

Я знала, что я должна что-то сделать, и одновременно понимала, что у меня на это нет времени. И Я УЛЫБНУЛАСЬ. Человек в черном опешил, НО Я УЛЫБНУЛАСЬ…

ГЛАВА 1

Как только администратор отдала мне мой паспорт, я тут же взяла протянутый мне ключ и пошла в направлении своего номера. Зайдя в номер, я бросила сумку на пол и первым делом вышла на балкон для того, чтобы оглядеть местность. Несмотря на то что я сняла гостиницу подешевле, на самой окраине, из окон на меня смотрела Москва. Та самая Москва, которой я всегда бредила, о которой мечтала с самого детства. Мне всегда казалось, что Москва – это город приезжих и что приезжие нужны ей, как свежая кровь.

Перед глазами почему-то возник образ моей матери, для которой мой отъезд обернулся настоящей трагедией, бессонными ночами и горькими слезами. Я вспомнила, как противился моему отъезду отец. Он посадил меня перед собой и пытался доказать мне, что я еду туда, где никому не нужна, и что в этом большом и бездушном городе меня никто не ждет.

– Что ты скажешь, дочка, когда приедешь в эту чужую Москву?! – гневался мой родитель. – Здрасте, я приехала?!

– Так и скажу, – дерзко сказала я. – Выйду на перрон и скажу: «Здрасте, я приехала!»

– А тебе скажут, что ты тут никому не нужна, что Москва не резиновая: все в ней не поместятся.

– Москва резиновая, – стояла я на своем и мысленно сопоставляла свои размеры и размеры этого города. – Я худенькая и не займу в ней много места. На крайний случай она немного подвинется.

– Кто подвинется-то? – непонимающе смотрел на меня мой родитель и крутил пальцем у виска, давая мне понять, что я сумасшедшая.

– Москва, – как ни в чем не бывало отвечала я и делала все возможное, чтобы прекратить разговор на данную тему, но разгневанный родитель был непреклонен.

– Ну ты, дочка, даешь. Москву решила подвинуть?

– Но я же не сильно, а самую малость. И то, только в том случае, если она не захочет меня принять.

– Если все в Москву поедут, то кто тогда будет жить в провинции?

– Ты и мама. – Я не смогла выдержать пристального родительского взгляда и опустила глаза. – Многим нравится жить в провинции. Все в Москву все равно никогда не поедут: многие ее на дух не переносят.

– А ты, значит, любишь Москву?

– Еще как! – честно призналась я.

– И в кого ты такая пошла, непонятно. У всех дети как дети…

– А какие у всех дети?

– Звезд с неба не хватают, потому что у них с головой все в порядке. Они живут в реальности и рассуждают реально.

– Значит, я живу не так, как все, и с головой у меня не в порядке. Но я все равно хочу поехать в Москву и достать звезду с неба.

Мой отец убеждал меня в том, что все провинциальные девчонки едут в Москву для того, чтобы поступить в театральный, а когда понимают, что они слишком переоценили свои возможности, то сразу идут на панель. Отец кричал, что он растил меня не для того, чтобы я торговала собой, и что про таких покорительниц столицы, как я, говорят всего одну-единственную фразу: «Танки грязи не боятся». Папа кричал и говорил, что во всем виновата мать, потому что она неправильно меня воспитала, мол, я не от мира сего. Мама плакала и просила меня остаться… Она говорила, что Москва сделает меня несчастной, выжмет из меня все соки и даст мне хорошего пинка под зад.

Я почувствовала, что от этих воспоминаний у меня довольно сильно защемило сердце, а на душе стало по-особому скверно. Мне было жалко мать, которая всячески пыталась меня остановить, но так и не смогла этого сделать. Отец вообще перед отъездом назвал меня шлюхой и, проведя несколько часов в обществе бутылки с самогонкой, даже не вышел в коридор для того, чтобы со мной попрощаться.

– Вот видишь, до чего ты отца довела, – укоризненно говорила мать, провожая меня в дальний путь. – Ведь сопьется же совсем.

– Я здесь ни при чем. Вспомни хотя бы один день, когда он не пил.

– Значит, еще больше пить будет.

– Больше уже некуда.

Я родилась в обыкновенной рабочей семье, где отец довольно часто прикладывался к бутылке и мог запросто поколотить мать. Все мое детство и юношеские годы прошли в российской глубинке, где местные жители не хватают звезд с неба, довольствуются тем, что есть, и живут своей тихой, спокойной и размеренной жизнью, даже не задумываясь о том, что где-то есть лучшая и более достойная жизнь. Именно поэтому мне всегда хотелось уехать из своих родных мест, встать на новый социальный уровень, зажить другой, более интересной, насыщенной жизнью, доказав своим землякам, что я чего-то стою.

…Не удержавшись, я быстро достала из сумки бутылку шампанского, откупорила ее, громко выстрелив пробкой, взяла со стола бокал и наполнила его до самых краев. Затем вновь вернулась на балкон и торжественно подняла бокал.

– Здравствуй, златоглавая! Ты не ждала, а я приехала. Примешь?

Заранее зная, что Москва мне ничего не ответит, я улыбнулась и принялась за свой любимый напиток.

– Значит, не примешь, – начала я размышлять вслух. – А я и не рассчитывала на твое гостеприимство. Я знала, что мне придется брать тебя измором. Как бы ты ни хотела, но ты от меня вряд ли отвертишься. Я знаю, что во мне живет особый дух авантюризма. Я не из тех, кто проводит свою жизнь в ожидании. Я сразу ставлю тебя в известность: у меня слишком большой аппетит к жизни. Да и вообще я не страдаю отсутствием других аппетитов. Быть может, ты надо мной посмеешься, но я хочу очень многого и все сразу. Смейся, смейся, но придет время и настанет тот день, когда ты перестанешь смеяться. Тебе захочется меня поближе узнать и подружиться со мной.

Этой ночью я не спала. Я размышляла и перебирала в голове всевозможные варианты, каким образом мне можно остаться в Москве. Самое главное – поступить в театральный институт, о котором я так долго мечтала, и найти работу. В моей голове, прямо по пунктам, созревал стратегический план по захвату столицы. Диплом еще никому не мешал, впрочем, как и профессия актера кино и театра. Если я поступлю в институт, то мне будет предоставлено общежитие, а это значит, не нужно будет снимать квартиру, что, в общем-то, недешево. Я знала, что придет время и у меня обязательно будет московская прописка. И прописка, и нужное количество денег. Все это обязательно у меня будет, но не сейчас: еще слишком рано. Ведь и Москва не сразу строилась. Сейчас – институт, работа и знакомство с нужными людьми. Я неправильно выразилась: не знакомство с нужными людьми, а дружба. Я представляла то время, когда я стану леди до кончиков ногтей. Буду сражать всех своим эпатажем, роскошно одеваться и жеманно себя вести. Для этого мне будет просто необходимо пройти курсы этикета. Без руки профессионала у меня это вряд ли получится. Я себя сделаю, перекрою и сотворю тот образ, который будет великолепно вписываться в рамки моей будущей жизни. Единственное, что я никогда в себе не трону, – так это свою провинциальную непосредственность. Это – моя изюминка, и я не собираюсь от нее избавляться. Помимо прочих задач мне не мешало бы найти постоянного молодого человека. Как-никак, а я одна в

незнакомом и чужом городе. Сильное мужское плечо еще никому не мешало, особенно если бы у этого плеча была московская прописка.

Я уснула только к утру и, проспав всего несколько часов, встала как можно раньше. Вскочив с кровати, я подошла к зеркалу и принялась приводить себя в порядок. Затем улыбнулась своему отражению и попыталась войти в придуманный мною образ. Мне хотелось стать кокетливой, сексапильной девушкой с загадочным блеском в глазах. Сделав милое личико, я подмигнула своему отражению и произнесла с особым вызовом в голосе:

– У меня все получится!

Но, увы, не получилось. В этот день мне пришлось столкнуться с суровой реальностью и понять, что одни амбиции еще ничего не стоят. Я вылетела на первом же туре при поступлении в театральный институт. Мне было больно осознать то, что я не прошла даже один-единственный тур и срезалась на чтении стихов и басен. Я изучала вывешенные списки тех, кто прошел первый тур, и, не находя в них своей фамилии, нервно кусала нижнюю губу и чувствовала, как по моим глазам текут слезы. Мне хотелось кричать, что комиссия была ко мне просто несправедлива, что я растерялась, что прошли только те, кто шел по блату. Я была уверена, что комиссия была настроена против меня потому, что я приезжая и хочу занять место в студенческом общежитии, которое и без того переполнено. Когда я читала свои стихи, на меня мало кто обращал внимание. Преподаватели почему-то шептались, говорили на отвлеченные темы, смотрели на часы и обсуждали тех, кто уже прошел.

– Не сдала?

Подняв глаза, я посмотрела на стоящего рядом со мной пожилого мужчину и всхлипнула, словно маленькая девочка, которой не купили понравившуюся ей игрушку.

– Не прошла.

– А слезы почему?

– Потому что засудили.

– Что значит засудили? Ты хочешь сказать, что у тебя необыкновенный талант, который никто не оценил?

– У меня есть способности, – вытерла я платком слезы. – Просто их никто не заметил.

– Странно, а мне кажется, что тут сидят профессионалы.

– Если бы тут сидели профессионалы, то я бы уже готовилась ко второму туру.

Мужчина улыбнулся и посмотрел на меня заинтересованным взглядом.

– А у тебя с чувством юмора все в порядке. Мне нравятся люди, которые умеют достойно принимать поражение и шутить даже тогда, когда им приходится тяжело.

– А я и не шучу, я говорю правду. Если бы я только знала, что в таком приличном институте сидит целая комиссия бездарей, которая мой талант рассмотреть не может, я бы и шагу сюда не ступила. Зачем терять впустую время и нервы?! Я-то смогу без этого проклятого института, а вот каково будет этому институту без меня, даже страшно подумать! Кого он выпустит из своих стен? А ведь я смогла бы сыграть что-нибудь стоящее. Я смогла бы проснуться знаменитой.

Мужчина громко рассмеялся и поправил свои очки.

– Правильный подход к жизни. Деточка, да тебе повезло.

– В чем?

– В том, что бог миловал тебя от этой профессии. Ты думаешь, у всех актрис завидная жизнь?

– А что плохого в их жизни? Слава, признание, поклонники.

– Тебе это только кажется. Быть актрисой – жутко утомительная работа. Все хотят быть звездами, но далеко не каждая актриса становится звездой. Большинство из них до самой пенсии играют в массовках и ведут нищенское существование. Одна моя знакомая десять лет играет березку.

– Какую березку?

– Обыкновенную березку. Дерево такое.

– Понимаю, что это не кактус, – натянуто улыбнулась я.

– Ну вот, а ты, оказывается, улыбаться умеешь. Так вот, насчет березки…

– Действительно, что там насчет березки?

– Моя знакомая играет эту самую березку уже десять лет.

– Это я уже поняла.

– Да ничего ты не поняла. Десять лет она выходит на сцену в неудобном костюме с тяжелыми ветками на голове и стоит так около двух часов. Ты только представь, что такое десять лет…

– И что, вообще ничего не говорит?

– У нее есть всего одна незначительная фраза, и то в самом конце спектакля.

– Я бы тоже сейчас на первых порах березой где-нибудь постояла. – Странно, но от моих слез не осталось даже следа.

– Деточка, можно остаться стоять березой не только на первых порах, но и всю оставшуюся жизнь. Тот, кто играет годами березу, вряд ли когда-нибудь сыграет в «Чайке».

– А в этом я в корне не согласна.

– Почему?

– Курочка клюет по зернышку.

– Согласен, только зернышко разным бывает. И не забывай, что на роль той же березки претендуют и другие девушки, которые будут злобно шипеть за твоей спиной и ставить тебе подножки. Ты выбрала не самую лучшую профессию. Добиваются славы лишь единицы, а все остальные смешиваются с серой массой, в которой просто невозможно раскрыть свои творческие способности.

– Быть может, вы и правы, но мне тяжело расстаться с мечтой всей своей жизни. Я так не отступлюсь – я не умею проигрывать.

Мужчина оглядел меня с ног до головы и рассмеялся.

– Деточка, я когда тебя увидел, то сразу понял, что ты не местная. Такая молоденькая, провинциальная амбициозная акула, которая в первый же день сломала свои зубки о московскую действительность. Откуда ты, лапушка?

– Издалека.

– И все же, откуда?

– Название вам все равно ничего не скажет.

– А может, и скажет. Я неплохо знаю русскую провинцию.

– Поселок Широкая Речка, слышали про такой?

– Ни про Широкую речку, ни про узкую не слышал.

– Вот и я про то же. Кстати, а откуда вы узнали, что я не местная? У меня что, это на лбу написано? Или вы сказали это потому, что сюда местные редко поступают? В основном в артистки метят только приезжие?

– На лбу у тебя ничего не написано, а в артистки лезут все, кому не лень. Я провинциалок сразу вижу. У меня это профессиональное.

Внимательно посмотрев мужчине в глаза, я сделала шаг в сторону от списка, висящего на стене, и осторожно спросила:

– Простите, а вы кто?

– Я тут работаю, – все так же спокойно ответил мужчина.

– Кем?

– Преподавателем.

– Вы это серьезно?

– А разве похоже, что я шучу?

– А почему вас не было в комиссии? Я вас там не видела.

– Потому что не все преподаватели сидят в комиссии. У многих есть дела поважнее. Если нас всех посадить в приемную комиссию, то совершенно непонятно, кто же будет заниматься текущими делами института.

– Тоже верно.

Осознание того, что мужчина работает в институте, в который я только что не поступила, подействовало на меня должным образом. Я посмотрела на него растерянным взглядом и принялась соображать, как мне вести себя дальше. Передо мной стоял человек, который при желании мог бы оказать мне хоть какую-то посильную помощь, но я не могла представить, чем бы я могла его заинтересовать, как мне убедить его в том, что я не так бездарна, как оценила меня комиссия?

– Детка, а ты мне нравишься, – неожиданно сказал мужчина. – Странно, почему тебя не заметили. Хотя это часто бывает. Редко кто поступает с первого раза. Все можно исправить.

Мне показалось, что мужчина читает мои мысли вслух, и от этого я растерялась еще больше.

– Как это можно исправить? Вы хотите мне помочь?

– Я готов тебе посодействовать. Мы можем обсудить твои проблемы, но только не в стенах этого института.

– А где?

– Я приглашаю тебя к себе в гости.

– В гости?!

– Да, а почему в твоих глазах я вижу удивление?

– Я даже не знаю, что и сказать…

– Я тут живу недалеко. Мне показалось, что нам есть о чем поговорить.

– Вы приглашаете меня к себе домой?

– А у тебя есть комплексы по этому поводу?

– Я к этому как-то не готова… Мне кажется, что подобные вопросы не должны обсуждаться у вас дома. Где угодно, но только не дома – это не совсем прилично.

– Ты меня боишься, что ли? – в глазах мужчины появилась насмешка.

– Вот еще!

– Тогда в чем дело? Заметь, я пригласил тебя в гости. Это предложение безобидно. Я же не позвал тебя в свою кровать, а предложил попить чай на моей кухне, поговорить о театральной жизни и о моем друге режиссере, который снимает один интересный фильм. Он как раз ищет девушку, похожую на тебя.

– Вы хотите сказать, что я могла бы сняться в кино? – От нахлынувшего на меня возбуждения я ощутила, как пол закачался под ногами.

– Если это заинтересует и тебя, и моего знакомого режиссера, то почему бы и нет? Большинство актрис начинали свой творческий путь подобным образом. На улице к ним подходила какая-нибудь серьезная тетенька и задавала один и тот же вопрос: «Девушка, а вы бы не хотели попробовать сняться в кино?»

– Но ведь вы же не серьезная тетенька?

– Я серьезный мужчина. В серьезности моих намерений ты можешь убедиться в дальнейшем. А что касается этого института, то ты поступишь в него на следующий год. Я протолкну тебя на подготовительное отделение и договорюсь со своими коллегами: они могли бы давать тебе уроки актерского мастерства. Я могу многое для тебя сделать. Намного больше, чем ты можешь себе представить.

– Это было бы замечательно. – Я стояла и не могла понять, где нахожусь – в реальности или во сне, полном пустых надежд и обещаний.

Москва решила надо мной сжалиться и подкинула мне этого старикашку, готового бросить к моим ногам целый мир? Правда, пока только на словах. По крайней мере он производит впечатление интеллигентного человека. Хотя, если быть откровенной, мне кажется, что интеллигентные люди не приглашают к себе домой незнакомую девушку под предлогом попить с ней чаю. Странно все это.

– Правда, мне нечем платить, – тут же продолжила я свою мысль. – Но это не беда. Я не белоручка. Я привыкла работать. Если я буду учиться на подготовительном отделении, то сразу пойду на работу. Я готова трудиться и днем и ночью, только бы платить репетиторам.

– Не думай о деньгах, – отрицательно замахал головой мужчина.

– Как же мне о них не думать? Я же прекрасно понимаю, что никто не будет заниматься со мной бесплатно.

– Голубушка, думать о деньгах – не женское дело. Предоставь это нам, мужчинам.

Я улыбнулась и произнесла то, что давно вертелось у меня на языке:

– Знаете, я не очень-то рассчитываю на чье-либо покровительство, потому что всегда привыкла думать сама за себя. Для того чтобы оплачивать свою учебу, я готова выполнять любую работу: мыть полы, подметать улицы. Спасибо за ваше обнадеживающее предложение, но я хочу вас сразу поставить перед фактом: интим между нами однозначно исключен. За любую предложенную вами помощь я своим телом расплачиваться не собираюсь. Я приехала в Москву, чтобы завоевать ее, и торговля своим телом в мои планы не входит.

Мужчина рассмеялся и вновь поправил свои очки.

– Голубушка! Если ты думаешь, что я охотник за телами малолетних девиц, то ты глубоко ошибаешься. Я уже далеко не в том возрасте, чтобы заниматься подобными вещами. Оставь свое юное тело для тех, кому оно действительно нужно. Мне оно без надобности – мне нужен твой талант. Я не настаиваю. Если ты думаешь, что сможешь добиться желаемого без меня, то флаг тебе в руки. Я всего лишь увидел в тебе будущую звезду. Не смею тебя задерживать, дерзай. Возможно, твоя провинциальная непосредственность заинтересует не только меня, но и кого-то еще.

Мужчина театрально откланялся и собрался уходить. Я тут же поняла, что мне не каждый день делают подобные предложения, и бросилась следом за ним.

– Стойте. Вы меня неправильно поняли.

– Я все понял, – резко ответил мужчина.

– Просто сейчас такое время…

– Какое сейчас время?

– Аферистов полно, – вновь не сдержалась я.

– Ты хочешь сказать, что я похож на одного из них? – голос незнакомца стал каким-то злым и раздраженным.

– Да разве вас разберешь? В любом случае я не хотела вас обидеть.

– Ты хочешь, чтобы я предъявил тебе документы, и ты убедилась, что я здесь работаю? Хорошо, я их предъявлю – за мной дело не станет. Только в следующем году не сокрушайся по поводу того, что не поступила в институт, и не рассчитывай на мою помощь.

Мужчина торопливо полез в свой карман для того, чтобы найти какие-то документы, но в этот момент рядом с ним остановился молодой симпатичный мужчина и дружелюбно пожал ему руку:

– Петр Степанович, а вы завтра будете на кафедре, а то у меня к вам будет небольшая просьба?

– Завтра, конечно, буду. Что-то серьезное?

– Дело деликатное: на сегодняшнем экзамене моя племянница срезалась. Сами знаете, как это бывает: разволновалась. А ведь девчонка талантливая. Она сейчас выбежала – лица на ней нет. Вы бы ее завтра посмотрели. Быть может, еще можно что-то сделать. Или, может,

хоть на подготовительные курсы есть возможность поступить? Девочка в таком стрессовом состоянии, что даже страшно становится – как бы руки на себя не наложила. Петр Степанович, помогите! Я в долгу не останусь, вы же меня знаете, столько лет работаем вместе.

– А что же вы ко мне раньше не подошли и не сказали, что ваша племянница поступает? Я бы дал указание комиссии обратить на нее особое внимание.

– Думали, поступим своими силами…

– Своими силами мало у кого получается. Неужели она настолько эмоциональная барышня, что из-за провала руки на себя наложить хочет?

– Эмоциональнее, чем можно себе представить.

– А впрочем, в наш институт другие и не поступают. В этом году вряд ли получится что-то сделать. Слишком поздно. Уже списки вывешены. Даже места, оставленные для отличников подготовительных курсов, все распределены. А вот с подготовительными курсами помогу. Кстати, на нашу кафедру требуется секретарь. Есть такая вакансия для своих. Тоже неплохо, год будет готовиться, секретарем поработает, познакомится поближе с преподавателями, узнает институтскую кухню изнутри. В общем, приводите ее завтра к трем часам ко мне на кафедру. Я с ней побеседую. Надеюсь, она до завтрашнего дня руки на себя не наложит?

– Я ее сейчас же найду и не буду глаз с нее спускать. Петр Степанович, вы не представляете, как я вам благодарен.

– Рано еще благодарить. Вот когда помогу – тогда другое дело. Значит, до завтра.

– До завтра.

Не обращая на меня никакого внимания, Петр Степанович развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к выходу. Простояв, словно вкопанная, несколько секунд, я бросилась следом за ним и быстро заговорила:

– Петр Степанович, а почему вы мне сразу не сказали о том, что вы – завкафедрой?

– Девушка, отойдите, пожалуйста, от афериста, – как-то небрежно бросил он.

– Я беру свои слова обратно. Просто, вы могли бы сразу представиться.

– С какой стати? Меня здесь и так все знают, – в голосе мужчины послышались раздраженные, враждебные нотки, которые не предвещали ничего хорошего.

– Но ведь абитуриенты не знают, а я абитуриентка. Значит, мне простительно.

– А абитуриентам и необязательно меня знать. Они узнают меня тогда, когда станут студентами. Если, конечно, они ими станут.

Я старалась не отставать от мужчины ни на шаг и сбивчиво говорила:

– Поймите меня правильно. Я приезжая, первый раз в Москве.

– Это песню я каждый день слышу. «Мы сами не местные. Мы приехали издалека», – язвительно произнес он и пошел дальше.

– Так говорят, когда денег просят, а я у вас ничего не прошу.

– А что же ты тогда за мной идешь?

Я не смутилась, несмотря на то что этот вопрос был задан крайне недоброжелательно.

– Я вообще ничего не прошу. Я просить не умею. Я просто хотела извиниться.

– За что?

– За то, что я подумала, что вы аферист.

– Значит, теперь ты меня аферистом не считаешь?

– Нет, – замотала я головой.

– Быстро же меняется твое мнение!

– В этой Москве голова кругом идет. Можно сказать, что на каждом углу поджидает опасность. Я как только шагнула на московскую землю, сразу принялась искать гостиницу. Зашла в первую попавшуюся гостиницу, а там мест нет. В холле стоит один солидный мужчина и, видя мое расстройство, предлагает мне переночевать у него в номере. Говорит, мол,

не беда. Все мы люди. В тесноте, да не в обиде. Он в номере один, а места много. Ну я, по своей наивности, в номер к нему пошла. Иду и думаю: надо же какой человек добрый, так ко мне по-отечески отнесся. Сейчас таких людей мало, но хорошо, что они еще есть. Я еще говорю, что ему за полномера суточные платить буду, а он отнекивается и заявляет, что ничего ему не надо. Я в номер пришла, а там всего одна кровать. Стою, как вкопанная, и спрашиваю: «А где мне спать-то?» А этот тип в лице изменился и сказал, что мы запросто можем уместиться на одной кровати. Меня как молнией шарахнуло. Вы можете себе эту картинку представить? Разве два незнакомых человека могут лечь спать на одной кровати? Он усмехнулся и сказал, чтобы я прекратила пургу гнать. Так и сказал. Мол, ночуй в номере и плати натурой, тогда никто внакладе не останется. Мне так обидно за себя и больно стало, ведь я думала, что у него сострадание заиграло, а оказалось, у него просто похоть разыгралась. Я же не похожа на девушку легкого поведения, почему он решил так со мной поступить? Я ведь и повода ему не давала… Просто расстроилась, что ночевать негде, а он сразу решил извлечь из этого выгоду. Вот так здесь на безвыходном положении других людей наживаются. Я сумку схватила и бегом из этого номера, а мужчина мне вслед давай кричать, что Москва меня уму-разуму научит. Обозвал дурой деревенской и спросил, из какой деревни я приехала. Так и состоялось мое первое знакомство с Москвой. На душе такой неприятный осадок остался, будто меня хотели извалять в грязи. Хорошо, что в другой гостинице места были и я осталась там на ночлег. Я после этого с людьми поосторожнее стала. Поняла, что тех, кто искренне хотел бы мне помочь, почти нет. Вокруг только те, кто искренне хотел бы мной воспользоваться. Петр Степанович, да остановитесь же вы, наконец. Я же вам объяснила, что совсем недавно я чуть было не вляпалась в неприятную историю. Теперь вы понимаете, почему я отнеслась к вам с таким недоверием?

Мужчина остановился и от души рассмеялся.

– Я что-то смешное рассказала?

– Ну да, историю про хлебосольного и гостеприимного мужичка, который предложил тебе переночевать у него в номере.

– А разве это смешно? Мне вот, например, плакать хотелось.

– А мне – смеяться. Детка, ты не сказала мне, как тебя зовут?

– Светлана.

– Светлана, а не попить бы нам с тобой чайку?

– Где?

– У меня дома. Я же сказал, что тут недалеко живу.

– С удовольствием, – сказала я и вышла следом за мужчиной из института.

ГЛАВА 2

– А далеко вы живете? – на всякий случай поинтересовалась я у своего нового знакомого.

– Сейчас поймаем такси и проедем ровно десять минут. Кстати, я как будто знал, что у меня будет гостья. У меня в холодильнике свежий торт. Ты сладкоежка?

– Да. Я знаю, что сладкое вредно, но ничего не могу с собой поделать.

– Сейчас не разберешь, что вредно, а что нет. Я всегда успокаиваю себя тем, что мы все живем один раз.

– Значит, вы не верите в загробную жизнь?

– Я верю только в то, что вижу.

Едва мы сели в такси, я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и представила, как я поднимаюсь на сцену для того, чтобы получить приз за лучшую женскую роль. Зал аплодирует. Женщины смотрят на меня ревнивым взглядом, мужчины, позабыв про своих жен и любовниц, не могут не выразить своего восхищения и сидят, смешно открыв рты. Я поднимаюсь на сцену, широко улыбаюсь, и в этой улыбке читается брошенный вызов. Я бросаю вызов этому залу, да и не только залу: бросаю вызов целому миру. Я красивая и успешная, а в нашей стране таких жуть как не любят. Такие, как я, раздражают окружающих, нам любят перемывать кости, но мы к этому привыкли, потому что понимаем, в какой стране мы живем. Сильные должны быть великодушны по отношению к слабым. Поэтому мы прощаем окружающих за всю их нелюбовь к нам. Мы сильные, а сильным не к лицу переживания слабых. Но такие, как я, есть, и от нас никуда не денешься. Как только я поднялась на сцену, то тут же втянула живот и расправила плечи. Зал встал и аплодирует мне стоя. Я беру врученную мне статуэтку, высоко поднимаю ее и улыбаюсь многочисленным вспышкам фотоаппаратов и камер. Ведущий обнимает меня за плечи и делает вид, что радуется моей победе вместе со мной. Он счастлив не оттого, что я победила. Он счастлив оттого, что он смог ко мне прикоснуться. Для него я не просто женщина – для него я богиня.

– Света, приехали.

Я открыла глаза и растерянно посмотрела на сидящего рядом со мной мужчину.

– Ты уснула, что ли?

– Просто закрыла глаза.

– Ты так сладко улыбалась, сидя с закрытыми глазами, и мне показалось, что ты спишь.

– Просто немного помечтала.

– О чем?

– О жизни актрисы.

Петр Степанович рассчитался с водителем такси и помог мне выйти из машины. Как только мы подошли к подъезду довольно ветхого сталинского дома, я ощутила неловкость и подумала о том, что, по всей вероятности, большой город притупляет чувство страха. Я иду на квартиру к совершенно незнакомому человеку, напрочь забыв про инстинкт самосохранения.

– Вы знаете, я в первый раз в такой ситуации.

– В какой?

– Ну вот в такой, что смогла поверить первому встречному.

– А ты разве еще не убедилась в том, что я не первый встречный?

– Убедилась, и все же я чувствую себя как-то неловко.

Мы вошли в лифт, который был под стать ветхому дому: несомненно, ему срочно требовался капитальный ремонт. Взглянув на тусклое освещение, я осторожно спросила:

– Не застрянем?

– Не переживай. Работал 50 лет и еще столько же проработает.

– В этом я с вами не согласна. Такое впечатление, что этому лифту место на свалке. В этом доме все такое старое?

– Какое есть. Ты думаешь, у преподавателя или даже у завкафедрой государственного института большая зарплата?

– Не знаю, но я думала, что такие, как вы, живут в более лучших условиях.

– Ты ошибаешься. Вот так и живем. Не жалуемся.

Открыв массивную, слегка перекошенную дверь своей квартиры, Петр Степанович пригласил меня внутрь и вошел следом за мной. Признаться честно, я еще никогда не была в подобных жилищах. Грязь, мусор и какой-то крайне неприятный запах, словно поблизости что-то протухло.

– Не обращай внимания на запах. Это у соседей лук загнил. У меня в комнате свежо и хорошо. Я всегда проветриваю.

– Это коммуналка?

– Она самая.

– А почему вы не сделаете соседям замечание?

– По поводу чего?

– По поводу загнившего лука.

– Бесполезно.

– Что значит бесполезно?

– Там алкоголики живут. Начнешь их в чем-то убеждать – себе дороже будет. Они живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю.

– А разве в коммунальной квартире могут быть подобные принципы?

– Детка, в коммунальной квартире может быть все. Именно поэтому люди бегут из коммуналок.

Комната Петра Степановича была большая и светлая. В ней действительно было свежо. Нехитрая обстановка комнаты говорила о том, что ее хозяин достаточно стеснен в средствах.

– А мне всегда казалось, что такие люди, как вы, должны жить в роскоши.

– А я разве похож на миллионера?

– Нет, но ведь вы такую должность занимаете!

– Возможно, но она не такая хлебная, как мне бы хотелось.

Сев на старенький стул, я послушно сложила руки на коленях и посмотрела на мужчину взглядом, полным надежды.

– А вы и в самом деле правду по поводу кино говорили?

– Какого кино? – Мой новый знакомый снял пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул ворот рубашки.

– Вы же говорили, что у вас есть друг режиссер и что он ищет актрису для своего фильма. Я смогла бы сыграть главную роль или хотя бы принять участие в пробах.

– Не сомневайся. Я устрою тебе пробы. Детка, ты что будешь пить?

– Чай, – немного неуверенно ответила я.

– Чай – это несерьезно. Я считаю, что нашу встречу нужно отметить. Посмотри в сервант и выбери напиток по своему вкусу.

– Я не хочу спиртного, – покачала я головой и кинула взгляд в сторону серванта.

В отличие от скромной комнаты Петра Степановича содержимое серванта отличалось особой изысканностью и удивительным разнообразием. Создавалось впечатление, что вместо того, чтобы вкладывать заработанные деньги в интерьер своей комнаты, мужчина вкладывал их в «интерьер» своего серванта и забивал его всевозможными дорогими бутылками.

– Я не желаю слушать твое «не хочу». Тебя не каждый день приглашают для того, чтобы сделать из тебя звезду. Давай выпьем за знакомство. У меня есть вкусный ликер. Ты

же сладкоежка, он как раз клубничный. Ну что, отмечаем? – Не дожидаясь моего ответа, мужчина взял бутылку ликера и достал из холодильника разрезанный на ровные куски торт. – Ликер с тортом – это же по-барски. Тебя, наверное, удивляет, что у меня холодильник стоит в комнате, но ты не забывай, что находишься в коммунальной квартире. Если бы я держал его на кухне, то мне пришлось бы повесить на него замок. Ну что, сладкоежка, налетай на угощенье.

– Мне самый маленький кусочек!

– А тебя тут никто спаивать и раскармливать не собирается.

Налив мне достаточно большую порцию ликера, мой новый знакомый тут же залпом выпил полную рюмку водки. Я стала медленно пить свой ликер и обдумывать продолжение нашего разговора.

– А у тебя родители-то есть? – Мужчина задавал мне вопросы и, как только я делала глоток, тут же подливал мне ликер, так что мой бокал был всегда полон. – Как они тебя отпустили? Ты из неблагополучной семьи?

– Прекратите. Я больше не буду пить, – пробовала протестовать я.

– Да ладно тебе! Живем один раз. Не знаю, как тебе, но мне наше знакомство очень даже приятно. Ты не ответила на мои вопросы. У тебя родители-то есть?

– Конечно, есть.

– А как они тебя отпустили?

– А что им оставалось делать? Меня вообще тяжело от чего-то удержать. Родители покричали, конечно, перед отъездом – этим дело и закончилось. Кстати, я бы не назвала свою семью неблагополучной. Вполне нормальная семья. Отец, конечно, выпивает; мать поколотить может, но я уже к этому вполне привыкла. А зачем вы это спрашиваете?

– Просто из праздного любопытства.

– Петр Степанович, так когда вы позвоните своему режиссеру? Вы и правда устроите меня на подготовительные курсы? Мне кажется, что все это сон. А хотите, я вам стихи почитаю? А может, басню? Я их много знаю.

– Зачем? – опешил уже подвыпивший мужчина.

– Как это зачем? Я ведь к поступлению в институт черт знает сколько готовилась – не один сборник стихов наизусть выучила. Такое количество стихов мало кто знает. Я, конечно, понимаю, что в этом деле главное не количество, а качество, но у меня качество тоже не страдает. Я ведь читаю с душой. Послушайте, пожалуйста.

– О, нет, – замахал руками Петр Степанович.

– Ну почему? – расстроилась я. – Почему? Меня сегодня в комиссии слушать не хотели, так хоть вы послушайте.

– Этого мне на работе хватает. Потом почитаешь. Я верю, что ты и стихи, и басни, и песни знаешь. А вот как у тебя с этюдами?

– Нормально. Я просто до них не дошла. У меня вообще фантазия богатая: я в школе всегда участие в художественной самодеятельности принимала. У нас театральная студия была, так я всегда с таким вдохновением играла. Между прочим, все главные роли были мои. Так что я – прирожденная актриса с детства.

– Сам себя не похвалишь – никто не похвалит.

– Я вам серьезно говорю!

– Я тоже.

– Что вам изобразить?

– А что ты умеешь?

– Да что угодно. Я могу изобразить даже чайник. Хотите?

Я быстро встала со своего места, но мужчина отрицательно закачал головой и жестом дал понять мне, чтобы я села обратно.

– Деточка, я тебе верю. Не стоит показывать чайник. Я верю, что у тебя это очень хорошо получается. Лучше изобрази мне служанку.

– Кого?

– Служанку. Такую милую, молоденькую девочку-служанку, которая исполняет все желания своего хозяина.

Я слегка напряглась и спросила обеспокоенным голосом:

– А хозяин кто будет?

– Я. Деточка, открой шкаф. Там лежит коротенькое серенькое платьице с симпатичными складками, беленький кружевной фартучек и чулочки в сеточку. Не переживай, все вещи твоего размера. Так что все подойдет. Да, еще забыл про туфельки на высоких каблучках – там же три пары разного размера. Поищи свой размерчик и примерь. Думаю, какие-нибудь туфельки тебе обязательно подойдут. Давай, деточка, не тяни время. Переодевайся. Если ты меня стесняешься, то можешь открыть дверцу шкафа и переодеваться за ней. Мне просто не терпится тебя увидеть в роли служанки.

– Петр Степанович, а я вам ее так изображу, без всякого костюма, – растерялась я еще больше.

– Без костюма тяжело войти в образ. – Мужчина вновь подлил мне ликер и наполнил свою рюмку.

– Войти в образ можно и без костюма. А вы меня споить, что ли, собрались?

– Боже упаси! Я малолетних девиц не спаиваю. Я всего лишь тебя угощаю. Света, прекрати капризничать. Иди переодевайся. Мой знакомый режиссер ищет девушку на главную роль, и если хочешь знать, то это роль служанки. Мы должны с тобой все хорошенько отрепетировать.

– Бред какой-то. Но не у вас же дома!

– А где?

– Мне кажется, что я сейчас в какой-то глупой ситуации, можно сказать, даже смешной. Прямо комедия какая-то.

– Ты сама устроила эту комедию.

– Ее устроили вы, а я всего лишь пытаюсь понять, что сейчас происходит.

Петр Степанович осушил свою рюмку и закурил сигарету.

– Послушай, детка, а как ты собралась быть звездой? У тебя не должно остаться никаких комплексов. Со своей никому не нужной скромностью ты ничего не добьешься. Когда мы приедем на киностудию и тебе устроят пробы, ты тоже будешь себя так вести? Заметь, что на киностудии тебе тоже предложат надеть костюм служанки. Если ты состоишь из одних комплексов, то у тебя вообще нет никаких шансов. Дорогая, подумай о какой-нибудь другой профессии. Не стоит заниматься тем, что тебе не к лицу. Кстати, у нас в институтской столовой есть вакантное место посудомойки. Могу устроить. Будешь мыть посуду в фартуке и перчатках. Самое главное, что никто и ничего не будет от тебя требовать.

– Я приехала в Москву не для того, чтобы работать в ней посудомойкой. Устроиться на подобную работу я могла бы и у себя дома.

– Я тоже так думаю. Стоило ли ехать в Москву для того, чтобы самой себе портить жизнь? Судьба подарила тебе встречу со мной, а ты стоишь тут и артачишься. Я должен посмотреть, на что ты годишься. Ведь если я буду тебя куда-то устраивать, мне придется замолвить за тебя словечко. Мне придется говорить людям, что ты чего-то стоишь, что ты талантлива, в конце концов. А ты талантлива пока лишь на словах. Ты мне еще ничего путного не изобразила.

– Но ведь я же хотела показать вам чайник! – мой голос был полон отчаяния.

– Что ты прицепилась ко мне со своим чайником?! Тебе что, показать больше нечего? Один чайник, наверно, все эти годы и репетировала.

– А вот и нет! – От захлестнувшей меня обиды мне почему-то захотелось плакать, но я знала, что не имею права показывать своих слез. – Я много чего могу изобразить. У меня фантазия будь здоров. Я могу, например, сыграть роль хлеборезки.

– Чего?

– Хлеборезки!

Мужчина прыснул со смеху и посмотрел на меня заметно опьяневшими глазами.

– Я разве сказала что-то смешное?

– Послушай, хлеборезка, я от тебя заметно устал. Еще минута, и ты предложишь мне изобразить сковородку или вафельницу. Я же хочу, чтобы ты изобразила служанку. Представь, что ты приехала на киностудию и тебе велели переодеться. Ты будешь вести себя точно так же? Режиссер станет объяснять тебе, что он будет пробовать тебя на главную роль, на роль девушки-служанки, а ты будешь бить кулаком себя в грудь и убеждать его в том, что ты хочешь сыграть роль хлеборезки. Как ты думаешь, что в таком случае тебе ответят? Тебе скажут: «Девушка, извините, но это киностудия. Шли бы вы в таком случае на кухню! Там вам и место. У нас в столовой как раз хлеборезка сломалась. А не нарежете ли вы тут нам всем хлеба?!»

– На киностудии все будет совсем по-другому.

– Как по-другому, если ты здесь себя проявить не можешь?

– Я вас уверяю, что там я себя проявлю. Вот увидите.

– Сомневаюсь. Если человек умеет себя показать с лучшей стороны, то он делает это сразу. А вот если компостирует мозги, то он – настоящий бездарь. Все, вопрос о твоей звездной жизни закрыт. Давай выпьем и разойдемся с миром.

– Почему?

– По кочану.

– Но вы не правы! Я уже говорила вам о том, что как-то неловко чувствую себя в стенах вашей квартиры.

– Если ты думаешь, что меня интересует твое тело, то глубоко ошибаешься. Ты вообще не в моем вкусе. Я на кости не бросаюсь. У тебя даже подержаться не за что. Оставь свое тщедушное тело для каких-нибудь малолетних юнцов, которые любят перебирать ребра. Осознание красоты женского тела приходит с возрастом. Так что ко мне оно уже давно пришло. Детка, если ты думаешь, что мне не с кем спать, то ты глубоко ошибаешься. Да я сейчас только на кафедру зайду, сразу очередь выстроится. Да и не только на кафедре. Все, собирайся и поезжай к себе в гостиницу. Считай, что сотрудничество между нами закончилось. Я тебе ясно сказал, что меня твои кости не интересуют. Ты слишком переоцениваешь свои возможности. Я понимаю, что у девушки должна быть нормальная самооценка, но это только в том случае, если эта барышня чего-то стоит. А твой случай наводит на мысль, что, кроме чересчур завышенной самооценки, у тебя вообще ничего нет.

Я стояла как вкопанная, хлопала ресницами и не могла произнести от возмущения ни слова.

– Девушка по имени Комплекс, можешь пригубить рюмочку напоследок и до свидания.

– А вот хамить не обязательно! – Решительно подойдя к столу, я допила ликер из своего бокала и направилась к шкафу для того, чтобы переодеться.

ГЛАВА 3

Этот противный старикашка, так нелестно отозвавшийся о моей внешности, оказался прав. Изрядно поношенное платье служанки оказалось мне впору, словно его шили по мне.

– Ну как, влезла?! – крикнул мне мужчина, по-прежнему сидевший на своем месте.

– Влезла.

– Я так и думал!

– А я смотрю, платье-то не первой свежести. Не одна девушка его одевала и изображала в нем служанку.

– Это реквизит нашего института.

– Тогда понятно. Кстати, все девушки, которые мерили до меня это платье, имели ту же комплекцию, что и я. В вашем понятии все они были костлявыми и непривлекательными. Тем не менее в вашем шкафу платье не пятьдесят восьмого размера.

– На роль служанки требуется девушка, носящая одежду такого размера.

– Это почему же?

– Потому, что полные служанки неповоротливы и от них проку мало. Худые пошустрее.

– И часто в вашей квартире появляются девушки, готовые сыграть роль служанки?

– Совсем не так часто, как тебе может показаться на первый взгляд.

– А у меня на этот счет свое мнение.

– Предлагаю оставить его при себе. Ну что, ты оделась?

– Надеваю чулки.

– Замечательно. Надеюсь, что они тебе тоже впору.

– Мой размерчик. И как это вы только угадали?

– Работа у меня такая.

Посмотрев на себя в зеркало, я улыбнулась своему отражению и отметила про себя, что из меня действительно получилась бы неплохая служанка. Вернее, я смогла бы сыграть в кино роль служанки, потому что работать прислугой – совсем не мое предназначение. А вот этот карнавальный костюмчик мне очень даже к лицу. Чересчур короткая юбочка, сетчатые чулки, туфельки на высоких каблучках. Удивительно, что у деда в шкафу оказались три пары туфелек одинакового фасона, но разного размера.

В этот момент заиграла громкая музыка, и я растерянно выглянула из-за дверцы шкафа. Мужчина прилег на кровать прямо в одежде и держал в руках небольшой приемник, настраивая его на нужную волну.

– Ты готова?

– Готова. А вы что, устали сидеть? Вы зачем на кровать завалились?

– Водка в голову стукнула.

– Зачем же нужно было столько пить?

– Я же тебе уже, по-моему, объяснял, что мы живем один раз. И давай завязывай меня стыдить и учить жизни. Я уже большой мальчик и сам знаю, что такое хорошо и что такое плохо.

Зазвучала приятная музыка. Мужчина поставил приемник рядом с собой, протер носовым платком свои очки и оглядел меня с ног до головы.

– А что вы так на меня смотрите?

– Хороша!

– Вы же только что сказали, что я костлявая.

– Мое поколение и в самом деле привыкло к более пышным формам, но ты достаточно хорошо сложена.

– А перед этим вы наговорили мне кучу оскорблений!

– Я тебя не оскорблял. Я всего лишь заставил тебя раскрепоститься. Твоя зажатость отталкивает, а твои комплексы могут испортить все дело.

– Какое дело?

– Как какое? Мы же с тобой все решили. Я буду делать из тебя звезду.

– Надеюсь, я стану звездой не только в стенах этой коммунальной квартиры, – язвительно произнесла я.

– Сначала в этих стенах, а уж потом я буду выводить тебя в люди. Крошка, у тебя все впереди. Тебе повезло. Ты оказалась в нужном месте в нужное время. А самое главное, что ты познакомилась с нужным тебе человеком.

Я посмотрела на лежащего на старой железной кровати странного старикашку и подумала: неужели он действительно способен помочь мне стать известной актрисой? Я вспомнила слова своей матери, которая, осознав, что меня невозможно остановить и что я все равно уеду в Москву, вытерла слезы и дала мне последнее напутствие. «Я не люблю Москву, – честно призналась она, – потому что она фальшивая и продажная. Этот город встречает с распростертыми объятиями только тех, кто едет в нее с большими деньгами. А тех, кто приехал без денег, она начинает душить прямо на вокзале. Вот такая она, Москва. Я слышала, что там на одной лестничной площадке соседи даже не здороваются друг с другом. Знай, дочка, в Москве у тебя будет много недоброжелателей, которые будут откровенно над тобой смеяться и вставлять тебе палки в колеса. Ровно столько же у тебя будет мнимых доброжелателей, которые ни с того ни с сего начнут протягивать тебе руку помощи, но знай, что если ты возьмешься за эту руку, то эта же рука тебя и потопит. Будь осторожна, дочка, потому что в Москве – не то что в нашей хлебосольной провинции: в Москве каждый сам за себя».

Возможно, моя мама была права и мне не стоило открывать свою душу нараспашку перед первым встречным, а этот дед очень странный, с ним нужно держать ухо востро. Если он заведует кафедрой вполне приличного института, то это еще не означает, что он желает мне только добра и не хочет воспользоваться отчаянием не поступившей в институт провинциалки.

– Ну что, поиграем в служанку? – громко спросил меня Петр Степанович и сделал музыку немного тише. – С этой минуты тебя зовут не Светлана.

– А как?

– Тебя зовут Люси.

– Почему именно Люси?

– Потому что мне хочется, чтобы мою служанку звали Люси. Ты будешь звать меня не Петр Степанович, а «Мой повелитель».

– Ах, мой повелитель. – В эту минуту мне показалось, что я подыгрываю сумасшедшему человеку, но я постаралась не выдавать своих опасений. – Значит, я должна быть вашей служанкой?

– Конечно, моей, а чьей же еще?! А теперь, Люси, станцуй для меня.

– Вы это серьезно?

Мужчина сделал музыку еще тише и посмотрел на меня недовольным взглядом.

– Детка, входи в роль, или я разозлюсь и пошлю всю твою звездную карьеру к чертовой матери! Исполняй все мои желания! Я не понял, ты хочешь стать звездой или нет?

– Хочу.

– Что-то я твоего желания не вижу. Если ты еще раз будешь поступать в институт, то на вступительных испытаниях тебе придется танцевать. Ты разве не знаешь?

– Знаю, – в моем голосе появилось раздражение. Мне показалось, что еще никогда в жизни я не попадала в столь дурацкую ситуацию, чем та, в которой нахожусь. – Ну так это же в институте…

– Послушай, детка, ты начала сильно меня утомлять. Я хочу посмотреть, как ты двигаешься. Танцуй, черт бы тебя побрал.

В этот момент заиграла громкая музыка, и я принялась кружиться по комнате. Вспомнив про Золушку из моего любимого детского мультика, танцующую со шваброй, я стала изображать те же движения. Я делала вид, что держу в руках швабру, которая играет роль кавалера, и кружусь с ней в волнующем танце.

– Детка, а ты пластичнее, чем я мог себе представить! – улыбнулся во весь рот довольный моим танцем Петр Степанович и сделал музыку потише.

– Хватит? – Я резко остановилась и с ужасом увидела, что старик поставил приемник на пол и поманил меня пальцем к себе.

– Хватит. Считай, что этюд ты уже сдала.

– Как жаль, что вас не было сегодня в комиссии!

– Люси, подойди сюда.

– Зачем? – прищурила я глаза.

– Не спрашивай меня ни о чем. Просто иди сюда и все. Я тебе приказываю.

– Петр Степанович, что-то мне не нравятся наши игры!

– Не называй меня Петром Степановичем. Обращайся ко мне «Мой повелитель». Входи в роль!

Подойдя к кровати, я посмотрела на старика подозрительным взглядом и без особого энтузиазма произнесла:

– Что вам нужно, мой повелитель?

– Молодец, Люси! С этого дня для тебя существует только такое обращение к своему хозяину. Ты должна исполнять все, что я приказываю. Если ты будешь мне перечить, то я лишу тебя жалованья или буду бить тебя розгами. Тебя когда-нибудь били розгами?

– Нет.

– Это больно. Поэтому будет лучше, если ты не будешь выводить меня из себя. А иначе я подниму твою коротенькую юбочку в складочку, сниму твои кружевные трусики, возьму плетку и начну хлестать тебя по твоей упругой попке. Кстати, а у тебя кружевные трусики?

– Кружевные, – слегка опешила я и попыталась понять, что сейчас происходит. Таковы правила игры или это бред сумасшедшего?

– Я так и знал. Я это понял, когда только тебя увидел. Я сразу подумал о том, что у такой милой девочки должны быть кружевные трусики.

Я наклонилась над стариком и процедила сквозь зубы:

– Может, поиграли и хватит?

– Люси, я не понимаю, о чем ты? Ты хочешь поиграть со своим повелителем? Позже, Люси. Позже. Мы поиграем с тобой попозже. А сейчас лучше сними мои брюки.

– Что?

– Я приказываю тебе снять мои брюки!

– Зачем? – дрожащим голосом спросила я.

– Люси, ты много говоришь и мало делаешь. Не спрашивай меня ни о чем, а лишь исполняй мои желания.

– С какой это стати я должна снимать ваши штаны? Петр Степанович, а вам не кажется, что это уже не смешно?

– Люси! Снимай штаны, я сказал!

Не обращая внимания на мои глаза, полные ужаса, явно невменяемый дед расстегнул ширинку и принялся снимать брюки, ругая меня за нерасторопность. Как только он остался в одних ярких семейных трусах в крупный горошек, я прикусила нижнюю губу и отпрянула от кровати. Несмотря на наличие трусов, было нетрудно догадаться, что детородный орган лежащего передо мной мужчины был в полной боевой готовности.

– Да вы сумасшедший!

– Люси, я хочу, чтобы ты сняла с меня трусы своими руками. Детка, разве ты не видишь, что ты меня возбуждаешь? Если ты и дальше будешь вести себя в том же духе, то мне придется тебя наказать. Люси, ты же не хочешь, чтобы тебе было больно? Я буду бить тебя до тех пор, пока ты не потеряешь сознание!

– Это что, тоже вживание в роль? – Я отошла подальше от деда и прислонилась к стене.

– Какая роль, Люси, ты о чем?

– О том, что вы больной на голову человек. – Покрутив пальцем у виска, я скинула туфли на каблуках и сняла фартук.

– Люси, еще рано раздеваться. Люси! Надень фартук и туфли. Я хочу, чтобы ты была при полном параде. Ты должна раздеться только тогда, когда я тебе прикажу.

Увидев, что чересчур возбужденный дед скинул свои трусы, я с ужасом посмотрела на его торчащее достоинство и вжалась в стену.

– Петр Степанович, а ты давно голову проверял? И много у вас таких сумасшедших работает? Оденься и немедленно прекрати этот цирк!

– Люси, ты меня разочаровала. Твой повелитель давал тебе шанс реабилитироваться, но ты не захотела его использовать. Мне очень жаль, что так вышло.

– Мне тоже. Мне жаль, что я поверила сумасшедшему человеку.

Открыв стоящий у стены сундук, выживший из ума дед извлек из него плетку, на конце которой я сразу заметила стальной наконечник.

– О боже! – в сердцах произнесла я и стала осторожно пятиться к двери. Я вдруг поняла, что имею дело с настоящим безумцем. Он стоял напротив меня в белой рубашке, без штанов, в одних лишь носках и хлестал по полу самой настоящей плеткой, которую я раньше видела только в кино. – Ты, полоумный старик, если ударишь меня своей плеткой хотя бы раз, я заявлю на тебя в милицию и засажу за решетку!

Бросившись к двери, я попыталась ее открыть, но, к моему удивлению, она была заперта. И когда этот выживший из ума старик успел закрыть дверь на ключ?

– Люси, дверь заперта на ключ. Ты зря дергаешься, – голос деда стал чересчур жестким и даже каким-то властным. – Отсюда невозможно выбраться. Ты можешь выйти из этой комнаты только в одном случае.

– В каком? – мой голос заметно дрогнул.

– В том случае, если ты меня осчастливишь.

– Как?

– Люси, ты уже большая девочка и должна знать, как осчастливить мужчину.

– Я не Люси! Я Света!

– Я не знаю Свету. Я знаю Люси.

– Я прошу прекратить этот цирк! Боже, как же хорошо, что я не поступила в ваш институт. Даже страшно подумать, чему там могут научить, если в нем работают такие преподаватели. Я прошу все прекратить!

– А я прошу тебя меня осчастливить.

После того как я судорожно замотала головой, еще больше обезумевший дед поднял вверх плетку и для большего устрашения ударил ей по бокалу, стоящему на столе. Как только бокал разбился, старик громко рассмеялся и принялся избивать плеткой меня. Стальной наконечник ранил мое тело, и я почувствовала такую дикую боль, что едва не потеряла сознание.

– Немедленно прекрати! Немедленно! Я засажу тебя за решетку! Я сниму побои и напишу заявление в милицию! Ты встретишь старость за решеткой! Тебе это будет дорого стоить!

– Да кто ты такая?! – истерично рассмеялся дед. – Кто тебя будет слушать? Приезжая шлюха! Дешевая провинциалка! Звездой она захотела быть! Да я таких звезд знаешь сколько видел?!

– Сколько?!

– Да сколько угодно! И любая вела бы себя намного приличнее, чем ты! Возомнила из себя звезду! Звезды уже снимаются в кино и играют на театральных подмостках, а такие, как ты, должны делать то, что им говорят, и не лезть на рожон. Я таких «звезд», как ты, пачками имел, и все они были сговорчивыми! Тебе ли выбирать? Ты кто такая? Я тебе сейчас знаешь где звезду сделаю?!

– Ах ты, сволочь! Помогите! Помогите!!! Меня убивают!

Я и понятия не имела, что могло меня спасти в этот страшный момент, и все же я на что-то надеялась. Я надеялась на то, что квартира коммунальная и за стенкой живут соседи. Они не могут не услышать моих криков и должны вызвать милицию, которая обязательно приедет и спасет меня. Я также ждала и того, что соседи по коммунальной квартире начнут стучать в дверь, будут спрашивать, что случилось, а быть может, до приезда милиции их терпение лопнет и они вышибут дверь для того, чтобы спасти меня. Но на мои крики никто не реагировал, никто не стучал ни в стенку, ни в дверь. Никто не спрашивал, что случилось, и вообще не подавал признаков жизни. Создавалось впечатление, что за стенкой просто никого нет.

– Помогите!!!

– Не ори. Никто не придет тебе на помощь.

– Соседи уже вызвали милицию!

– Соседей нет.

– Как это нет?

– Я тебе говорю, что в квартире пусто.

– Значит, мои крики услышат соседи сверху или снизу, но сюда все равно приедет милиция!

– Дура ты! Никто сюда не приедет! Ублажи своего повелителя, и я буду добрым. Ты даже представить себе не можешь, каким я могу быть добрым и пушистым. Если Люси начнет вести себя правильно, то ее обязательно простят и прекратят наказывать.

– А ну-ка убери плетку, придурок! Я не Люси. Я Светлана!

В этот момент дед ударил меня с такой чудовищной силой, что мне показалось, будто стальной наконечник рассек мое тело на части. Я издала пронзительный крик и почувствовала сильное головокружение и слабость. Зарыдав, я посмотрела на деда ничего не понимающим взглядом и решила, что сегодняшний вечер может стоить мне жизни. Этот человек, без сомнения, психически нездоров: он может запросто забить меня до смерти. За ним дело не станет. Дед так хорошо орудует плеткой, словно каждый день избивает таких же наивных, дурных и бестолковых девчонок, как я, мечтающих стать звездами чуть ли не мирового масштаба и наивно согласившихся поиграть в служанок.

Я пыталась увернуться от плетки, закрывала лицо руками, кричала, что было сил. Убрав от лица свои руки, я увидела на них кровь. Много крови. Это говорило о том, что мое лицо сильно разбито. Именно это и привело меня в бешенство. Мое лицо всегда играло роль моей визитной карточки. И что же теперь с ним стало? Я понимала, что сейчас глупо переживать за свое лицо, потому что в первую очередь я должна переживать за свою жизнь, а ведь она может оборваться в любой момент. Я уже и не сомневалась, что он забьет меня до смерти. По-прежнему спасаясь от плетки, я бросилась в противоположную сторону и, взяв с полки железную статуэтку, что было силы ударила ею старика. Удар пришелся по голове, он был достаточно сильным и резким.

– На, получай, гад ползучий! Ты же хотел, чтобы я тебя осчастливила?! Так получай по полной программе, получай, подонок!!! Это тебе от имени всех служанок, сумасшедший повелитель! Ну, а теперь-то ты счастлив? Скажи, счастлив или нет?! Счастлив?!

Старик вскрикнул, выронил плетку и с грохотом упал на пол. Недолго раздумывая, я села рядом с ним на колени и била его до тех пор, пока не пришла в себя и поняла, что уже пора остановиться.

– Ну что, получил?! Успокоился? Больше плеткой махать не хочется? Я отбила у тебя это желание? Слышишь, дед, ну что ты молчишь?! Пропало желание говорить? Ну, скажи что-нибудь. Только не называй меня Люси, потому что если ты назовешь меня Люси, то получишь еще.

Наклонившись к лежащему лицом вниз деду, я попыталась его перевернуть, но с ужасом увидела кровоточащую рану на его голове.

– Дед, ты это… Ты случайно ласты не протянул? Тебе больно? Ну скажи хоть что-нибудь. Ты что молчишь?

Дед по-прежнему молчал и не двигался.

– Дед, подъем! – Я принялась трясти деда за плечи и перевернула его с живота на спину.

– Я сейчас тебя перевяжу. Ты только подай мне хоть какие-нибудь признаки жизни.

Но дед не подавал признаков жизни. Он и не мог этого сделать, потому что у него полностью отсутствовал пульс. Он был мертв. Уронив его мертвенно-холодную руку на пол, я закричала от ужаса, но тут же сама себе зажала рот потной ладонью.

ГЛАВА 4

– Ой, мамочки, что ж теперь будет-то?

Я не обращала внимание на то, что с моего разбитого лица капала кровь. Это было сейчас неважно. Самое главное – исчез положительный эмоциональный настрой. Я чувствовала лишь то, что по моим щекам текут слезы.

– Хорошо же ты меня приняла, Москва. Спасибо тебе! Значит, так ты поступаешь с ненужными и неугодными тебе людьми? Понятно… Кого отправляешь обратно на малую родину, а кого прячешь за решетку. Видно, правду говорят, что души в тебе ни на грош не осталось. Что я тебе плохого-то сделала? Что? В тюрьму захотела меня упрятать? Да ничего у тебя не получится, я так просто не сдамся! Я не собираюсь ломать свою судьбу из-за какого-то сумасшедшего деда. Не на ту напала!

Запустив руку в карман пиджака, висящего на спинке старенького стула, я извлекла оттуда ключ и бросилась к двери. Мне повезло: ключ подошел, и я оказалась свободна. Добежав до конца коридору, я остановилась, чтобы прислушаться: нет ли кого в квартире, и убедившись, что она пуста, сморщилась от стоящей в коридоре зловещей вони и быстро зашла в ванную. Мне стало страшно, когда я увидела в зеркале изуродованное плеткой лицо… Мое тело также представляло из себя одну сплошную кровоточащую рану.

– Бог мой…

Недолго думая, я принялась умываться холодной водой и, морщась от жуткой боли, промокать мокрым полотенцем раны на теле.

– Вот это я попала. Вот это я влипла! – вырвался из моей груди крик отчаяния. – Стоило ли ехать в Москву для того, чтобы стать убийцей. Такое может случиться только со мной.

Быстро смыв кровь, я вернулась в комнату, где лежал труп, и в спешном порядке принялась думать о том, что же мне делать. Я вновь полезла в карман пиджака для того, чтобы найти там документы, принадлежащие умершему мужчине. Но никаких документов у него не было. Ни в пиджаке, ни в карманах валявшихся на полу брюк. Странно. Я тут же вспомнила тот эпизод, когда Петр Степанович обиделся на меня за то, что он аферист, и полез в карман своего пиджака для того, чтобы показать мне документ, что он работает в этом институте. В тот момент, когда он запустил руку в карман, он встретил молодого человека, который рассказал о своей не прошедшей первый тур племяннице. Мужчины принялись разговаривать. Старик забыл о том, что он хотел найти в глубине своего кармана, и высунул из него руку. На этом его попытки показать мне свое удостоверение личности безрезультатно закончились.

И все же, если старик искал документы, значит, он думал, что взял их с собой. Но никаких документов нет. Даже если бы в тот момент, когда он запустил руку в карман, для того чтобы найти удостоверение сотрудника института, его никто не отвлек, он вряд ли бы что-то достал из кармана. Потому что моя внутренняя интуиция подсказывала мне, что все это липа. Никаких документов не было и в помине. Я подошла к стоящему рядом с кроватью комоду и принялась там искать хоть какие-нибудь документы, принадлежащие бездыханному старику. Я и сама не знаю, зачем я их искала. Из-за нервного срыва и рыданий, которые просто не могли не вырываться из моей груди, моя голова напрочь отказывалась адекватно воспринимать реальность, и мне хотелось знать точно, кого я лишила жизни: сумасшедшего старика, не имеющего отношения к институту и не порочащего его репутацию, или похотливого завкафедрой, заманивающего молодых девиц к себе на квартиру и, пользуясь их глупостью, наивностью и желанием во что бы то ни стало прославиться, удовлетворяющего подобным образом свою старческую похоть.

Никаких документов в серванте не было. Вытерев слезы, я нервно посмотрела на часы и, опомнившись, подумала о том, что пора уходить. В любой момент в коммунальную квартиру могут вернуться соседи. Случайно открыв крышку стоящей в серванте керамической салатницы, я тут же увидела лежащие в ней доллары и дрожащими руками принялась их пересчитывать. Ровно две тысячи долларов. От этой суммы у меня потемнело в глазах и пересохло во рту.

– Бог мой, я таких денег и в руках-то никогда не держала. Две тысячи долларов… Две тысячи! Я и подумать не могла, что такие деньги свалятся на меня прямо с неба. И вот они у меня в руках. Но какой ценой? Каким образом?

Смахнув пот со лба, я мгновенно сунула деньги к себе в карман и тут заметила на дне салатницы небольшой листок бумаги. Пытаясь побороть сильную дрожь в руках, я развернула бумажку и с трудом поверила своим глазам. Это была справка об освобождении из мест заключения на имя Мышкина Петра Степановича, который освободился совсем недавно, всего несколько месяцев назад. Еще раз бегло перечитав справку, я сунула ее обратно в салатницу и закрыла крышку. То, что лежавший на полу мужчина не был завкафедрой, не вызывало у меня больше сомнений. На полу лежал человек, освободившийся из мест заключения и развлекающий себя издевательствами над такими наивными дурочками, как я.

– А как же тот, кто подошел к деду по поводу племянницы? – я и сама не заметила, как задала этот вопрос вслух. – Кто это? Сообщник? Напарник, помогающий ему побыстрее заманить жертву в квартиру под предлогом попить чаю? Кто???

Сейчас я не могла ответить на эти вопросы. У меня просто не было на это времени. Закрыв дверцы серванта, я направилась к выходу, но тут же остановилась и с ужасом подумала о том, что эта комната полна моих отпечатков пальцев. Схватив первое попавшееся полотенце, я принялась протирать все, к чему прикасалась. Пустую рюмку из-под водки, а также бокал, из которого я пила ликер, я бросила в пакет, висящий на батарее, поставила бутылки, стоящие на столе, в сервант и подошла к зеркалу посмотреть на то, как я выгляжу. Я сняла резинку с волос и постаралась распущенными волосами прикрыть свое израненное лицо. Сняв платье служанки, я быстро переоделась в свои вещи и, кинув в пакет полотенце, которым я тщательно стерла отпечатки своих пальцев, вышла из комнаты.

Я шла на полусогнутых ногах, прислушивалась к каждому звуку и молила Бога только об одном: чтобы он позволил мне беспрепятственно выйти из этой злосчастной квартиры. Подойдя к входной двери, я попыталась ее открыть, но она была заперта. Она была заперта на ключ, который мне предстояло найти, а это было почти невозможно.

Повозившись с дверью, я поняла, что только теряю драгоценное время: в комнате убитого деда я нашла лишь один ключ – от входной двери. Никакого другого ключа я там не обнаружила. Значит, ключ где-то в коридоре, и я просто обязана его найти. Иначе мне просто отсюда не выйти.

Все остальные события казались мне дурным сном. Я искала ключ везде, где только могла: в коридоре, на кухне, в ванной и туалете, а также в той комнате, где лежал труп. Я уже не думала о том, что оставляю повсюду отпечатки своих пальцев. В тот момент меня не интересовала моя дальнейшая безопасность: мне было не до нее. Я думала только о том, как бы мне побыстрее выскочить из квартиры и забыть все, что со мной случилось, как страшный, кошмарный сон.

Я уже потеряла счет времени и, бегая по замкнутому кругу из комнаты в коридор, а из коридора в комнату, в какой-то момент поняла, что мне вряд ли удастся найти этот проклятый ключ и что я в мышеловке, из которой невозможно выбраться.

– Господи, да за что же мне все это? Мамочка, лучше бы я от тебя не уезжала. Мамочка… Как же ты была права! Как права…

Подойдя к окну, я посмотрела вниз и убедилась в том, что мне не выбраться из этой квартиры даже через окно – слишком высоко. За окном виделась Москва, и мне показалось, что она улыбается мне злорадной улыбкой. Она усмехается! Несомненно, она просто надо мной издевается. В квартире не было даже балкона. Открыв створки окна полностью, я высунулась на улицу и посмотрела на соседский балкон – до него было рукой подать. Возможно, на моем месте кто-то бы и смог сделать столь рискованный трюк, но только не я, потому что я с детства боялась высоты. Конечно, лучше укрыться на чужом и незнакомом балконе, чем сидеть и ждать приговора в компании покойника. Но страх высоты отогнал от меня эту мысль, тем более дверь соседнего балкона была плотно закрыта, и вряд ли бы мой отчаянный крик кто-нибудь услышал. Но я знала, что не должна кричать. Хотя бы потому, что даже если меня кто-то и услышит, то вызовет милицию и меня безоговорочно упрячут в тюрьму. Старик был прав. Кто я такая? Провинциалка, у которой нет ничего, кроме амбиций. Правда, теперь и от них не осталось даже следа. Приезжая, убившая человека. И неважно, что он только что вышел из мест заключения и заманивал в свою квартиру молоденьких девиц, чтобы поразвлечься. Он – человек, ему дана жизнь, и я не имела права лишать его жизни, хотя бы по той причине, что я ему ее не давала. А то, что он хотел забить меня до смерти, нужно еще доказать, да и все мои аргументы вряд ли кто-то захочет слушать. В глазах других я – убийца. Хладнокровная и расчетливая. Убийца, место которой за решеткой.

Неожиданно решение моей проблемы само пришло в мою голову. Как можно больше наклонившись вниз, я поняла, что будет проще закрыть глаза и шагнуть за окно. Там, внизу, гуляли мамы с колясками, а неподалеку, в песочнице, играли дети. Они о чем-то спорили, смеялись и строили из песка замки. Когда-то я тоже любила строить песочные замки и могла проводить за этим занятием массу времени. Это было по-своему здорово, и я верила в то, что замки настоящие, что ночью в них обязательно оживут невидимые днем люди. Когда другие дети ломали то, что я строила часами, я закрывала глаза. Я не могла на это смотреть. Мне было больно оттого, что созданный мною мир рушится. А по ночам я долго не могла уснуть: я представляла, как невидимые днем люди ищут свой замок и не находят. Они остаются без крова и очень сильно страдают. Невидимки сидят на краю песочницы, плачут и осуждают людей за то, что они жестоки к ним. Мысленно я просила их потерпеть и, с трудом дожидаясь утра, бежала в песочницу, для того чтобы вновь построить им дом. Как только дом был построен, в песочницу приходили дворовые мальчишки и все повторялось заново. Я вставала на защиту своего замка и рассказывала про невидимых людей, которые не спят уже не первую ночь, потому что не могут найти свой дом, где будет тепло и уютно, где можно обрести ночлег. Но мальчишки крутили пальцем у виска, выгоняли меня из песочницы и рушили мои замки. Мне до сих пор больно вспоминать свои детские страдания и слезы от безысходности. Мне грустно потому, что тогда я была ребенком. Честным, безгрешным, добрым, а самое главное, что я искренне верила в придуманную мною сказку.

Прошли годы, я повзрослела и перестала строить песочные замки. Я стала возводить замки из воздуха. Строить воздушные замки оказалось не менее увлекательно, чем песочные. Помню тот день, когда был разрушен мой первый воздушный замок. Я и подумать не могла, что мои воздушные замки будут разрушены реальной жизнью. То, что строилось долго, собиралось по крупицам, рухнуло в одно мгновение, словно ничего и не было вовсе. Но я не опустила руки и не стала спорить с судьбой. Уже более осторожно я принялась за строительство второго замка и получила тот же самый результат, что и раньше. А потом… Потом это уже вошло в привычку. Я построю, а жизнь возьмет и разрушит. Очень тяжело, когда твое творение исчезает прямо на глазах. Я не могу на это смотреть: я всегда отворачиваюсь, закрываю глаза и начинаю нервно кусать губы. С жизнью разве поспоришь? Единственное, что меня успокаивало, так это то, что у меня еще есть силы. У меня есть силы для того, чтобы строить, потому что я еще молода и впереди не только разочарования, но

и победы. Я читала о том, что многие женщины старше меня уже ничего не строят, потому что у них не осталось надежды. Они не строят потому, что у них не осталось на это ни сил, ни желания. Они уже давно все разрушили. Когда они к чему-то прикасаются, все сразу рушится. Я не из их числа: я еще пытаюсь строить. Все, что я строю, за меня рушат другие. Возможно, когда-нибудь я стану такой, как те женщины, которые уже ничего не хотят создавать, но еще не пришло время, и мне еще хочется созидать. Пока еще хочется… По крайней мере хотелось до сегодняшнего дня.

Опомнившись, я вновь посмотрела вниз и подумала о том, что оборвать свою жизнь просто. Нужно закрыть глаза и сделать один-единственный шаг…

– Нет! – крикнула я сама себе и отошла от окна. – Нет! Нет! Нет!

Шагнуть вниз я успею всегда, а вот еще пожить, решить, казалось бы, неразрешаемые проблемы мне вряд ли когда-то удастся. В конце концов я ехала сюда не для того, чтобы выпрыгнуть из окна: лишить себя жизни я могла бы и у себя дома. Я ехала сюда для того, чтобы доказать самой себе, что я сильная, что я обязательно со всем справлюсь и что я чего-то стою. Я найду ключ. Я обязательно его найду и вырвусь из этого ада.

От отчаяния мне хотелось громко кричать, биться головой об стену, но я знала, что должна себя сдерживать, потому что криками и рыданиями я не смогу себе хоть как-то помочь, а скорее, наоборот, только усугублю ситуацию. Зловещая вонь в коридоре заставляла глаза слезиться и вызывала тошноту и головокружение.

– Протухший лук так не может пахнуть, – дрожащим голосом вновь сказала я вслух и принялась искать место, откуда так сильно воняет. – Это не лук… Это какая-то мертвечина… Господи, почему же здесь так сильно воняет? Разве можно запустить свое жилище до такой степени?

К моему удивлению, соседняя комната оказалась не заперта.

– Так вот откуда идет вонь! – Достав из кармана носовой платок, я прикрыла им нос и вошла в комнату, которая, со слов мертвого старика, принадлежала соседям. Подойдя к старинному массивному шкафу, я открыла его дверцы и стала снимать с вешалок различную одежду, небрежно кидая ее на пол. Теперь мне уже не приходилось сомневаться в том, что этот чудовищный запах исходил именно из этого шкафа. Внезапно я вскрикнула и уронила носовой платок на пол.

– Кто бы мог подумать. Вот это да!

В шкафу, свернувшись калачиком, лежала связанная девушка. В том, что она была мертва, у меня не было даже малейших сомнений. Она лежала здесь не первый день – об этом говорил страшный запах. На девушке был костюм служанки и те же самые туфли, три пары которых лежали в шкафу в комнате сумасшедшего деда. Убитая была моего возраста и точно такой же комплекции, как и я. Странно, но на теле девушки не было заметно побоев. Ни ударов от плетки, ни ножевых ран, ни каких-либо пулевых ранений. На ней не было ни капельки крови, будто она только что уснула и может проснуться в любой момент. Складывалось впечатление, что девушка умерла не насильственной смертью. Хотя не исключено, что тут не обошлось без сумасшедшего деда: по всей вероятности, он ее отравил. Да, скорее всего дед отравил девушку, связал и спрятал ее в квартире. Поняв, что я больше не могу смотреть на это жуткое зрелище, я подняла с пола платок, вновь прикрыла им нос и закрыла шкаф. В моей голове возникло множество вопросов. Я не могла понять, почему дед не избавился от трупа? Почему не вынес девушку из своей квартиры? Чего он ждал? Ведь с каждым днем этот запах становится все сильнее и сильнее, и скоро ему будет тесно в стенах этой квартиры и он перекинется на лестничную площадку. У меня также возник вопрос относительно того, не отравил ли дед и меня. Я не видела, как дед открывал бутылку ликера, может, он что-нибудь подсыпал в нее? От этих мыслей мне стало так плохо, что меня начало мутить.

Мне вдруг показалось, что дед подсыпал мне яд замедленного действия и что с каждым последующим часом я буду чувствовать себя все хуже и хуже.

– Нет, нет, нет, – замотала я головой в надежде на то, что я не повторю судьбу этой девушки.

Я понимала, что сейчас у меня скопилось слишком много вопросов, но у меня нет времени для ответов, потому что я должна выбраться из этой квартиры любым способом. Я не могу сидеть тут вечно. Не могу по той причине, что еще немного и я просто сойду с ума. Я уже схожу с ума, потому что не верю в реальность произошедшего. Не верю!

Услышав, что кто-то позвонил в дверь, я хотела вскрикнуть, но тут же зажала рот ладонью и, бросив пакет с уликами на пол, бросилась на кухню для того, чтобы спрятаться за массивную кухонную дверь.

ГЛАВА 5

В дверь звонили недолго. Через несколько секунд послышался звук поворачивающегося в замке ключа. Я бы никогда не подумала, что именно этот скрежет может наводить такой панический ужас. Мне казалось, что мои уши вряд ли смогут вынести этот звук и что еще несколько секунд и я просто умру от страха. Я буквально вжалась в стену, вытянулась, как струна и стала прислушиваться к учащенным ударам моего сердца. Мне показалось, что еще немного и оно не выдержит и выскочит из груди. Наконец дверь открылась. Мне было отчетливо слышно, как она со всей силы ударилась о стену.

По голосам я сразу догадалась о том, что в квартиру вошли двое мужчин, которые были, по всей видимости, сильно раздражены.

– Эй, Степанович, ты что гостей не встречаешь?! Тебе что, времени не хватило вдоволь покувыркаться?! Мы, как идиоты, твоего звонка ждали, а когда поняли, что ты вряд ли позвонишь, то не выдержали и приехали!

– Что за вонь? – задал вопрос второй голос. – Сдох, что ли, кто-то? Эй, Степанович, ты что, облажался, что ли?

– Воняет-то как, кошмар какой-то!

Боясь пошевелиться, я стояла ни жива ни мертва и была готова к тому, что как только незнакомцы зайдут в комнату деда, то я сразу брошусь к входной двери и пулей выскочу на лестничную площадку. Но, видно, судьба решила добить меня окончательно, и уж если все обстоятельства начали складываться против меня, то она решила не оставлять мне даже малейшего шанса хоть на какую-либо удачу или везение.

– Закрой дверь на всякий случай, – донесся до меня мужской голос.

– Я и так ее закрыл.

– Я имею в виду на ключ.

– Ты думаешь, что надо?

– А что тут думать?

– Как скажешь.

– Сам видишь, в квартире тишина. Скорее всего Степанович хорошенько принял на грудь, накувыркался и вместе со своей новой дамой сердца завалился спать. Сейчас мы в комнату войдем, она тут же проснется, нас увидит, перепугается, начнет кричать и постарается улизнуть. А это не входит в наши планы. Мы же на нее столько надежд возлагаем.

– Ты прав. Девка захлопает глазами и кинется к выходу.

Итак, дверь заперта. Я вновь вжалась в стену и ощутила, как от полнейшего бессилия и отчаяния по моим щекам потекли слезы. Шанс на побег испарился за считаные секунды. Единственное, что мне оставалось, – прятаться за дверью до тех пор, пока эта парочка меня не найдет. А дальше… Я и подумать не могла, что будет дальше – уж как распорядится судьба.

Пытаясь рассмотреть вошедших в квартиру мужчин сквозь дверную щель, я вздрогнула и увидела, что внешность одного из мужчин была мне хорошо знакома. Это был тот самый молодой человек, племянница которого якобы не поступила сегодня в институт.

– Одуреть!

– Что случилось?

– Да ты только посмотри, что тут творится!!!

– Степанович, ты жив?! Степанович!

– Его замочили статуэткой.

– Смотри, плетка валяется.

– Видимо, он стал эту деваху бить, а она схватила статуэтку и ударила его по голове. Дед мгновенно скончался.

– Вот тебе и провинциальная дурочка. Степановича-то прикончила. Кстати, по-видимому, это случилось совсем недавно. Матвей, а ты ее хорошо запомнил?

– Ты имеешь в виду девку, которую сегодня Степанович в институте клеил?

– Ее самую. А кого ж еще?

– Как сейчас перед глазами стоит.

– Это хорошо, что ты ее отчетливо помнишь.

– Худая такая, высокая. Она Степановичу до последнего не верила. Уж слишком она осторожная. Степанович ее долго обрабатывал. Я устал за этой картинкой наблюдать. Там столько девок стояло, одна краше другой, а Степанович именно к этой привязался и с ней время терял. А она уперлась, и все тут. Я тогда не выдержал и применил отработанную схему: изобразил дядю, озабоченного судьбой своей не поступившей в институт племянницы. Девица глазами захлопала и ожила. Проглотила приманку за считаные секунды. Когда я пошел прочь, она за Степановичем как ошпаренная побежала. В глаза ему так преданно смотрела, что сразу было понятно – девка готова. Она за ним и в огонь, и в воду, и хоть на край света. Блин, кто бы мог подумать, что такое тут может произойти. Если бы я знал, что эта девица на убийство способна…

– Матвей, а ведь это твое упущение.

– Мое?!

– Конечно, твое. Ты же за это ответственный. Не дал ли ты деду слишком большие полномочия?! Его дело – девок клеить и сюда приводить. Они должны тут сидеть и дожидаться нашего прихода. А ты ему разрешил их трахать.

– Хотел как лучше. Все-таки он человек уважаемый, с зоны откинулся. Соскучился по шальной жизни.

– Вот и получилась шальная жизнь. Тем более он всегда был с отклонениями, и мы с тобой не раз заставали деда, когда он девок по хате гонял своей плеткой! Девки битые были.

– Да я ему делал последнее предупреждение. Он обещал больше так себя не вести.

– Да что стоят его обещания?! Они гроша ломаного не стоят.

– Он жаловался, что по-хорошему ему не дают.

– Оно и понятно. Кто такому деду старому-то даст? Только ему вообще давать не должны. Это он уже сам придумал себе такие обязанности. Он должен девок клеить и сюда водить. Если бы ты ему пару-тройку часов на трах не оставил и мы бы сюда сразу, следом за ним пришли, то ничего этого бы не случилось.

– Теперь-то что уже говорить? Девка его шлепнула и сбежала. А мне вот изначально не нравилось, что он девок в институте клеит. Все-таки рискованное это предприятие – посторонний человек всегда привлекает к себе внимание.

– Да не вали ты с больной головы на здоровую. Я свою работу всегда нормально выполнял. Я все продумал. Дед вообще не вызывал никаких подозрений, да и одет он был вполне прилично. В институте куча родителей, которые пришли вместе со своими детьми. Дедулька смешивался с другими родителями и стариками, да и прикид ему купили будь здоров. Можно легко поверить, что он и в институте работает. И ведь верили же, и тому, что он завкафедрой, верили, и в то, что он режиссер и большой человек на киностудии, тоже верили. Бабы многому верят. Они же все мечтают очутиться в нужном месте, в нужное время и встретить нужного человека. Каждая из них мечтает проснуться знаменитой. Да и где девок-то, потвоему, клеить? Театральный институт – самое подходящее место. Там целое скопище приезжих дур, мечтающих стать звездами.

– На вокзале работать безопаснее.

– Чем? Тем, что там постоянно нас менты пасут? На вокзал все бабенки на поезд спешат, им как-то о звездной болезни задумываться не приходится. Да и что об этом говорить? Уже поздно. Любые споры бессмысленны. Степановича нет, вся схема нарушена. И все из-за того, что ты дал деду слишком много полномочий. Надо сейчас эту девку искать, теперь она от нас не отвертится. Как ее найти?

– Я ее по фотографии узнаю.

– А где ты фотографию найдешь?

– Она документы перед поступлением в приемную комиссию отдала. Там есть фотография. Там и будет ее адрес: и тот, откуда она приехала, и, возможно, тот, где она на данный момент остановилась.

– Да после того как она деда грохнула, она вряд ли в Москве останется. Она, наверно, уже от страха в свою деревню свалила.

– Вот там мы ее и найдем. Только вот что с ней делать?

– Посмотрим, но за деда она нам должна ответить. Думаю, что не стоит ее пока сдавать ментам. Это мы всегда успеем. Она нам еще пригодится. Выжмем ее по полной. Хотели пустить ее на поток, но после того как она прикончила деда, ее будет ожидать другая участь. Матвей, а кто тебя к документам в приемной комиссии подпустит?

– Невозможного нет.

– Ты хочешь сказать, что нынче деньги решают все?

– Ты сам все знаешь.

– Это точно. Задал вопрос, заранее зная ответ.

– Сегодня же займусь этим. Послушай, а чего здесь вонь такая, словно в этой хате не один жмурик, а целый гарнизон?!

– Действительно, воняет так, что упасть можно.

– По-моему, из соседней комнаты несет.

– А ну, пошли, посмотрим.

Я по-прежнему стояла за дверью и боялась издать хоть какой-нибудь звук. Я с трудом что-либо понимала, но не могла представить, что будет дальше. Либо меня найдут прямо сейчас, либо эти люди меня не заметят и уйдут, с чем пришли, и тогда мне придется сидеть в этой квартире вместе с двумя трупами непонятно до каких пор. Скорее всего до тех пор, пока я не умру здесь сама.

– Я тебе говорю, что это не та девка! – вновь донесся до моих ушей чересчур возбужденный мужской голос. – Та совсем другая была.

– Ты уверен?

– Да что ж я, дурак, что ли? Тем более смотри, какой запах. Эта девка тут черт знает сколько лежит.

– А кто она такая?

– Не знаю. Это известно только деду. Девка не первый день валяется в этом шкафу. Теперь я, кажется, кое-что понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Я уже деда не один раз спрашивал, что у него за вонь, а он от ответа уходил, говорил, что то ли лук, то ли картошка загнила. Я ему велел овощи перебрать и всю гниль выкинуть. А он, оказывается, вот что подразумевал под гнилой картошкой.

– Странно, на этой девице даже крови нет. Как она умерла-то?

– Действительно, как?! Он в нее не стрелял, не бил, не резал. Может, напугал чем?

– А что, разве от испуга умирают?

– Разрыв сердца, например.

– Пошли отсюда, а то упадем. Вонь такая, что уже нет сил дышать.

Услышав, что захлопнулась межкомнатная дверь, я затаила дыхание и еще больше прижалась к стене. Мужчины прошли мимо меня на кухню и не сговариваясь, как по команде, высунулись в окно.

– Что-то мне уже самому дурно, – произнес тот, которого я видела в институте. – Вот это дед дров нарубил!

– Судя по запаху, девка тут не один день лежит.

– Пятый день.

– Откуда ты знаешь?

– Это та самая девка, которая от него якобы сбежала. Помнишь, пять дней назад он обработал одну девицу и привел ее к себе домой. Ее, по-моему, тоже зазвездило. Дед тогда у нас три часа попросил, чтобы перед тем, как ее отдать на поток, немного с ней поразвлечься. Помнишь или нет?

– Припоминаю.

– Мы еще тогда за городом были и изрядно задержались. Приехали только к ночи. Приехали, а Степанович сказал, что ей удалось убежать. Мы с ним в этот вечер поскандалили по-крупному. Ультиматум ему поставили, потому что в нашем деле проколы не нужны. Девка ведь, несмотря на то что приезжая, и до милиции добежать может, а Степанович недавно с зоны откинулся. Дед клялся, что больше такого не повторится, а сам вел себя как-то странно. Чудной был какой-то. Мы еще списали его поведение на то, что он выпил.

– Все, вспомнил. Скорее всего дед нас вокруг пальца обвел. Девка не сбежала, с ней что-то произошло, и он спрятал ее в шкафу.

– Но ведь она связана.

– Ты это к чему говоришь?

– К тому, что не мог же он связать ее мертвой – в этом нет никакого смысла. Не для того же он ее связал, чтобы она легла в шкафу покомпактнее. Бред какой-то!

– Ты прав. Он связал ее живой, только зачем?

– Он же любил всякие извращения. Может, хотел ее таким образом напугать?

– Ага, а у нее от страха произошел разрыв сердца.

– А может, он ее отравил?

– Исключено. Он знал, что мы приедем и девица нам нужна живая.

Эти слова хоть немного развеяли мои опасения по поводу того, что старик отравил меня ядом замедленного действия. Теперь я знала, что яд здесь ни при чем, но я не была застрахована от того, что тоже умру от разрыва сердца.

– Ну Степанович, ну старый аферист! Почему он нам ничего не сказал?

– Решил скрыть.

– Ну, а на что он надеялся? Почему не избавился от трупа?

– Кто его знает… Выжидал.

– Чего он ждал? Того, что забьют тревогу соседи по лестничной площадке?

– Откуда я знаю? Ты так на меня смотришь, будто я укрыл труп, а не Степанович. Откуда я знаю, чем он руководствовался и что было у старого на уме? Я не сомневаюсь в том, что он поджидал подходящего случая для того, чтобы вынести труп из квартиры, но только этот случай слишком долго не подворачивался. Слишком дед намудрил. Ладно, ты лучше подумай, как мы всю эту ситуацию Черному преподнесем? Он с нас за все, что произошло, шкуру снимет.

– А мы тут при чем? Мы сами всего лишь случайные свидетели.

– Свидетели не свидетели, но мы деду позволяли много того, что не должны были позволять. Ты сам понимаешь, что это недопустимо.

– Сейчас самое главное – девку найти, которая деда шлепнула.

– И что?

– Она перед Черным за все и ответит.

– Тогда займемся этим прямо сейчас.

– А с дедом и с мертвой девицей что делать?

– Поставим в курс дела Черного. Как он скажет, так и будет.

– Ты прав, без Черного нам нельзя ничего решать. Самодеятельность в этом вопросе ему явно не понравится.

Один из мужчин хотел было закрыть окно, но другой его тут же остановил.

– Брось, а то здесь и так дышать нечем.

– Ты предлагаешь оставить окно открытым?

– Конечно. Воздух посвежее будет, а то уже, наверно, на весь подъезд разит.

– Так ты предлагаешь Черному позвонить или лучше к нему поехать?

– Конечно, надо ехать самим. Разве такие вопросы решаются по телефону?

– Тоже верно – сейчас столько прослушек стоит.

Мужчины вновь прошли мимо меня, но перед тем как выйти из квартиры, один из них поднял стоящий у самого входа пакет.

– На кой черт он тебе сдался? – возмутился другой. – У нас и так времени нет. Надо что-то с этими жмуриками решать и девку сбежавшую искать.

– Одна минута ничего не решит.

– Это ты зря, в таких делах дорога каждая минута.

– Смотри – тут рюмка, полотенце, бокал.

– Ну и что? Пусть хоть графин. На кой черт тебе сдался этот натюрморт?

– Тебе этот набор ни о чем не говорит?

– Совершенно. А у тебя есть какие-то ассоциации?

– Есть. А эта девка не так проста, как нам кажется. Она же свои отпечатки пальцев уничтожала.

– С чего ты взял? Да, действительно нужно уходить, а то от этой вони у тебя уже крыша ехать начала.

– Может быть, – стоял на своем мужчина, державший пакет, – да только съехала она в нужном нам направлении. Девка уничтожала отпечатки пальцев. Просек? Она и бокалы забрала для того, чтобы никто не смог понять, что за столом сидели двое и эти двое распивали спиртное. Вот так-то.

– Возможно, ты прав.

– Я и так прав.

– Ты утверждаешь, что этот пакет она собрала?

– Утверждаю.

– Ну и флаг ей в руки.

– Ну и флаг, но ведь пакет-то она не забрала.

– И почему она его бросила?

– Потому что она здесь. Она еще не успела уйти.

– Ты это серьезно?

– Серьезнее просто не может быть. Она где-то прячется.

– Где?

– В этой квартире.

– Если бы она пряталась в этой квартире, она бы уже давно задохнулась.

– А я тебе говорю, что она еще здесь.

Мужчина бросил пакет обратно на пол, поднес одну руку ко рту и прокричал издевательским голосом:

– Эй, девочка, ку-ку!

ГЛАВА 6

– Матвей, а по-моему, ты уже сам «ку-ку». Кукукнулся, одним словом. Девица собрала пакет с вещами, на которых остались отпечатки пальцев, да и забыла его, когда уходила.

– Но почему?

– Это мы у нее самой спросим, когда найдем. Не забывай, что она шлепнула старика, а это значит, что она выбежала отсюда крайне перепуганная. В таком состоянии что хочешь забудешь, даже собственную голову. Девка-то молодая, не прожженная. Она же не каждый день убивает таких приставучих старичков, как наш Степанович.

– Еще скажи, что она убийца поневоле.

– Ну этого я не скажу. Убила-то она его из своих личных побуждений. Именно поэтому мы ее найдем и накажем.

Сильная дрожь проходила по всему моему телу, и мне показалось, что еще немного и я сама себя выдам. Мои содрогания не могут быть незаметны. Еще чуть-чуть и кухонная дверь застучит в такт колебаниям моего тела. Мне хотелось поднять руку и перекреститься, но я понимала, что не должна этого делать. Мне оставалось лишь мысленно, про себя читать молитву. Я повторяла ее много раз в надежде на то, что она обязательно мне поможет. И я молилась, не переставая, снова и снова.

Кровь шумела в висках: создавалось впечатление, что кто-то стучит по моей голове самым настоящим отбойным молотком, и от этого звука становилось все невыносимо больно.

– И все-таки для начала ее нужно поискать в этой квартире, – никак не сдавался тот, которого я видела в институте. – Странно все-таки, что она пакет выкинула. Решила уничтожить улики, собрала их в пакет и вдруг выкинула. Кстати, как она вышла, если дверь была закрыта на ключ? Мы же ее сами ключом открывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.